

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Греческие заимствования в итальянском языке

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Теория и история языка и
языки народов Европы»
очной формы обучения
Лещенко Ксения Васильевна

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Самарина М. С.

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент
Золотайкина Е. А.

Санкт-Петербург

2018

Введение	3
Заимствование как лингвистический феномен	6
Понятие заимствования	6
Лексическое заимствование	9
Ассимиляция иноязычного слова	16
Условия и причины лексического заимствования	20
Обратные, или возвратные заимствования	26
Греческие лексические заимствования в итальянском языке	29
Исторический контекст	29
Тематический анализ греческих заимствований и их семантическая трансформация	33
Графическая, фонетическая и морфологическая адаптация лексических заимствований	52
Обратные, или возвратные заимствования	61
Заключение	70
Список литературы:	75

Введение

Взаимодействие между культурами двух народов, говорящих на разных языках, их контакт на политическом, экономическом, социальном и бытовом уровнях неизбежно ведет к диалогу языковых систем этих народов, их взаимному влиянию и изменению. Одним из последствий соприкосновения двух языков являются заимствования, или различные элементы языковой системы одного языка, воспринятые другим языком.

Самой открытой сферой языка, наиболее подверженной изменениям вследствие различных политических, экономических, социальных, религиозных, культурных изменения общества является лексический состав языка. Именно поэтому наиболее ярко феномен заимствования проявляет себя в сфере лексики.

Не возникает сомнений, что греческий язык оказал большое влияние на формирование лексического состава итальянского языка. Совместное существование греков и римлян, начиная с VIII в. до н. э., привело к заимствованию большого количества лексических единиц из греческого языка в латынь, которые позднее наследует итальянский язык. Контакты итальянского языка с греческим не прекращаются и после появления в Европе национальных языков, которые замещают латынь сначала на разговорном уровне, а затем и на письменном. Большое количество греческих лексем проникают в итальянский язык и в этот период и, вместе с наследованными из латыни грецизмами, составляют значительную часть лексического богатства итальянского языка.

Взаимодействие между греческим и итальянским языком вызывает еще один интересный феномен. Некоторые греческие лексемы, заимствованные ранее итальянским языком и адаптированные в нем, со временем возвращались в качестве заимствования в греческий язык, но уже в новой форме и значении. Такие заимствования называются обратными или возвратными. Анализ обратных заимствований в греческом языке,

вернувшихся из итальянского, представляет также большой интерес для исследователя.

Важно также отметить, что и в итальянском языке, и в греческом вплоть до настоящего времени наблюдается ситуация двуязычия, когда каждый носитель языка говорит как на стандартном варианте языка, так и на местном диалекте. Естественно, что некоторые диалекты итальянского языка претерпели большее влияние со стороны греческого языка. В первую очередь, это касается диалектов юга Италии, где присутствие греческого элемента характеризуется непрерывностью и относительной интенсивностью, начиная с первых греческих колоний и вплоть до наших дней. В то же время, некоторые диалекты греческого языка, к примеру, диалекты островов Эгейского моря, также подверглись большому влиянию со стороны итальянского языка, чем материковая Греция, вследствие определенных исторических условий. В данной работе, однако, за основу будут взяты современные стандартные литературные варианты итальянского и греческого языка.

В центре данной работы - греческие лексические заимствования в итальянском языке, а также обратные заимствования из итальянского языка в греческом. Целью работы является изучение итальянских слов греческого происхождения с точки зрения их проникновения в язык и ассимиляции, а также особенностей их функционирования, в том числе обратное заимствование лексем в греческий язык.

В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи:

- выделить основные группы грецизмов в итальянском языке и выявить сферы, наиболее подверженные влиянию греческого языка.
- изучить основные особенности их графической, фонетической и морфологической трансформации при переходе из греческого языка в итальянский.

- рассмотреть, какие изменения произошли в семантике заимствованных лексем.

- изучить дальнейшее функционирование заимствованных лексем в языке-реципиенте.

- выделить в греческом языке обратные заимствования из итальянского языка и проследить особенности их использования.

При работе со словами различных языков были использованы следующие словари.

Для древнегреческого языка:

Вейсман А. Д. Греческо-Русский словарь.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-Русский словарь. В 2-х томах.

Для латинского языка:

Дворецкий И. Х. Латинско-Русский словарь.

Для итальянского языка:

Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della Lingua Italiana.

De Muro T. Grande dizionario italiano dell'uso.

Devoto G., Oli G. C. Vocabolario della lingua italiana.

Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana.

Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana.

Для новогреческого языка:

Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής.

Μπαλινιώτης Γ.Δ. Λεξικό τῆς Νέας Ἑλληνικῆς Γλώσσας.

Заимствование как лингвистический феномен

Понятие заимствования

Согласно Лингвистическому Энциклопедическому словарю, заимствованием называют элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [ЛЭС: 158]. Под элементами здесь подразумеваются единицы различных уровней структуры языка – фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики, семантики [Крысин 2004: 24]. В зависимости от того, к какому уровню языковой структуры относится заимствуемый элемент, выделяют различные виды заимствования, такие как фонетическое, морфологическое, лексическое и др.

Наиболее пластичной и подверженной изменениям сферой языка является его лексический состав. Именно поэтому самым частым и типичным видом заимствования является лексическое заимствование. Едва ли возможно отыскать язык, абсолютно лишенный лексических единиц иноязычного происхождения. Исследователи феномена лексического заимствования отмечают важную роль отдельных индивидов в процессе заимствования, отмечая, что «каждое заимствование, по-видимому, делается сначала каким-то одним человеком, а затем принимается и повторяется многими другими» [Хауген 1972: 344–345]. Особенность лексического заимствования заключается в том, что слово приходит в язык-реципиент не в том же виде, что оно функционирует в языке-доноре, как грамматически оформленное целое, а «как более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающих новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствовавшего» [Смирницкий 1956: 235]. Функционирование заимствованного слова в языке-реципиенте возможно лишь путем включения его в определенную языковую парадигму. Слово подчиняется той или иной грамматической категории, приобретает синтаксические связи, подчиняется законам фонологии и особенностям артикуляции носителей.

«Переосмысление» заимствованного слова может привести к заимствованиям на других уровнях. В ряде случаев можно говорить о заимствовании морфем, которые выделяются из заимствованных лексем. К примеру, когда в язык переходит большой пласт иноязычных слов, содержащих один и тот же словообразовательный суффикс, эти заимствованные слова могут образовывать группы, которые со временем могут стать продуктивными [Пауль 1960: 469]. По аналогии усвоенный таким образом суффикс со временем начинает вступать во взаимодействие и с исконными словами языка-реципиента. Примером может служить заимствованный суффикс *-изм* в русском языке, с помощью которого были образованы такие слова, как *большевизм*, *ленинизм*. Важное значение для перехода морфологических элементов из одного языка в другой имеет структура взаимодействующих языков. Значительное количество словообразовательных суффиксов, к примеру, было заимствовано датским языком из структурно близкого ему немецкого языка, в то время как ни одна морфема не была заимствована из арабского языка в далекий от него в структурном плане персидский, несмотря на большое количество благоприятных на то исторических условий [Звегинцев 1962: 240].

Намного реже таким образом могут заимствоваться фонемы. Фонетический состав одного языка не может полностью совпадать с фонетическим составом другого языка, что часто является главной трудностью в процессе изучения и усвоения иностранного языка. С этой же трудностью встречаются и носители языка-реципиента при заимствовании иноязычного слова. Здесь чаще всего имеет место подстановка или субституция звуков, которая помогает упростить использование иноязычного элемента. Именно поэтому проникновение звукового элемента в один язык из другого языка происходит редко и является скорее исключением. Вероятнее всего такой переход звука может произойти в двух случаях. Во-первых, если этот звук часто встречается в словах, которые подвергаются заимствованию;

во-вторых, если он резко отличается от всех первоначально свойственных данному языку звуков.

Встречаются также случаи синтаксического заимствования, когда иноязычные синтаксические конструкции оказывают влияние на формирование фраз. Является несомненным то, что влияние одного языка на другой в сфере синтаксиса может быть весьма значительным. Подтверждает это тот факт, что изучающие иностранный язык, овладев языком не в полной мере, часто ориентируются при построении фраз на изучаемом языке на особенности синтаксиса родного языка. Заимствование модели построения предложения обусловлено некоторыми особенностями [Звегинцев 1962: 243]. В первую очередь иноязычные синтаксические конструкции проникают в письменные формы языка, а проникновение таких структур в язык разговорный представляет собой вторичный процесс. Также воздействие одного языка на другой на синтаксическом уровне может быть лишь косвенным, способствуя дальнейшему развитию уже существующих в заимствующем языке тенденций. Кроме того, синтаксическое влияние одного языка на другой требует наличие широкого общекультурного влияния.

Особой разновидностью заимствования является семантическое заимствование или кальки, т. е. слова и конструкции, образованные из исконного материала, но в соответствии со структурой, привнесенной извне [Пизани 1956: 67]. Чаще всего кальки проникают в язык книжным путем и, в первую очередь, обязаны своим появлением переводчикам. Кальки появляются тогда, когда возникает необходимость обозначить понятие, пришедшее извне, не используя при этом иноязычные элементы. К своего рода калькированию можно также отнести случаи, при которых слово заимствует одно из значений соответствующего ему эквивалента в другом языке.

Лексическое заимствование

Словарный состав любого языка является языковой сферой, в которой наиболее ярко проявляется сложная картина политических, экономических, социо-культурных и языковых контактов разных народов. Поэтому именно заимствование на лексическом уровне отличается наибольшим разнообразием, но в то же время предельной сложностью и многогранностью в исследовании.

Изучение проблем заимствования иноязычных лексических единиц, их адаптации и функционирования включает в себя сложный комплекс аспектов, в том числе и нелингвистических. Поэтому на протяжении долгого времени заимствованная лексика рассматривалась в первую очередь в тесной взаимосвязи с социо-культурным взаимодействием стран и народов, в то время как чисто лингвистические вопросы часто оставались неосвещенными. Кроме того, изучение заимствования слов часто происходило в связи с борьбой за «чистоту» языка. Такую тенденцию в отечественном языкознании можно проследить начиная примерно со второй половины XVIII в., а точнее – со времени, когда в недрах Российской академии был задуман первый толковый «словено-русский словарь», когда русские историки, филологи, писатели и критики начали активно интересоваться процессом вхождения в русский язык иностранной лексики [Крысин 2004: 15]. В центре этих обсуждений был вопрос «чистоты» словаря: насколько необходимым и приемлемым является использование иностранных слов в русской речи, а также возможно ли контролировать процесс заимствования лексем. Вплоть до начала XX в. изучение процесса заимствования осуществлялось в тесной связи с вопросами культуры, что часто переносило споры исследователей в сферу смежных с лингвистикой и филологией наук, таких как социология, политология, идеология и др.

Таким образом, долгое время лингвистическая природа заимствований оставалась вне внимания исследователей. Только с конца

XIX в. наблюдается интерес исследователей к вопросам проникновения в язык иноязычных единиц и их адаптации в языке. Вопрос о заимствовании, которое подразумевало под собой именно лексическое заимствование, начинает рассматриваться в контексте взаимодействия двух языков. Г. Пауль, например, высказывает мысль о том, что любое заимствование является результатом смешения языков, а исследование процесса проникновения в язык иностранной лексики следует начинать с изучения поведения отдельных индивидов, говорящих на двух и более языках [Пауль 1960: 459 и далее].

Большое внимание стало уделяться процессу ассимиляции заимствованной лексики в языке-реципиенте. В связи с этим возникает проблема, связанная с вопросом терминологии. Если лексическому заимствованию как процессу в лингвистической науке дается четкое определение, то дефиниция заимствованной лексики вызывает определенные трудности. Проблемой остается также классификация собственно заимствованных лексических единиц для последующего их изучения.

Традиционная классификация, предложенная немецкими лингвистами Г. Хитром, О. Беагелем, Ф. Вреде и др., различает *Lehnwörter* 'заимствованное слово' и *Fremdwörten* 'иностранное слово'. Подобное разделение нашло отклик в работах многих исследователей и укрепилось в традиционном языкознании. Вот что по этому поводу писал В. Пизани: «...нужно признать, что оно [различие] отвечает фактическому состоянию, поскольку слово или, лучше сказать, иностранный языковой элемент становится заимствованием только тогда, когда он употребляется в языковых актах отдельных лиц по образцу традиционных элементов и становится поэтому одной из изоглосс в системе, образующей определенный язык» [Пизани 1956: 58].

Очевидным является то, что подобная классификация имеет свои недостатки. В первую очередь, не существует абсолютных критериев для определения слова в ту или иную группу. Разделение слов на *Lehnwörter* и

Fremdwörten подразумевает смешение формального и функционального признаков [Шахрай 1961: 54]. Кроме того, данное разделение ориентируется на слово в синхронии, тогда как процесс заимствования и дальнейшее существование в языке заимствованной лексики необходимо рассматривать в диахронии. Так, наиболее полный анализ заимствованной лексемы предполагает изучение всех этапов ее становления в заимствующем языке, начиная с ее первого использования и заканчивая полной ассимиляцией с исконной лексикой языка-реципиента.

В середине XX в. Э. Хауген предлагает новую классификацию заимствованных единиц по структурному признаку. Он различает два основных типа заимствований: заимствования с полным или частичным перенесением фонетической оболочки иностранного слова и все прочие заимствования. Второй тип представляет собой заимствованные сдвиги (loanshifts), поскольку в этом случае заимствование проявляется исключительно в сдвиге употребления некоторого исконного слова. Первый тип Э. Хауген называет заимствованными словами (loanwords) и разделяет их на собственно заимствованные слова (pure loanwords) и гибридные заимствования (loanblends). Различие чистых заимствований от гибридных заключается в том, что при гибридном заимствовании вместо части иностранного слова подставляется морфема заимствующего языка [Хауген 1972: 354]. Согласно дифференциации Э. Хаугена, собственно заимствованными словами являются только те лексические единицы, которые полностью соответствуют своим прототипам в языке-доноре.

Однако следует отметить, что грамматическое оформление заимствованного слова в языке-реципиенте является неотъемлемым условием процесса лексического заимствования и освоения лексической единицы в заимствующем языке. «Приписывание» иноязычного элемента к определенной парадигме, морфологическое или синтаксическое выражение грамматических признаков – это не процесс, а мгновенный акт, неизбежный,

когда идет речь об использовании иноязычного слова в тексте заимствующего языка не как чужеродного вкрапления, а как единицы, связанной с другими элементами текста [Крысин 2004: 47]. Поэтому, оформление иностранного слова морфемами заимствующего языка, что отличает гибридные заимствования, в некоторых случаях является необходимостью для включения слова в лексический состав заимствующего языка, а также дальнейшего его использования носителями языка наряду с исконной лексикой.

Кроме того, хотя формально кальки не являются лексическими заимствованиями в чистом виде, необходимо рассматривать и их для получения наиболее полной картины взаимодействия двух языков на лексическом уровне. Даже если слово уже существовало в языке-реципиенте и лишь расширяет свое семантическое поле или создается с помощью исконных средств языка, этот процесс тоже является следствием влияния языка-донора на заимствующий язык. Такие элементы, хоть и не воспринимаются носителями языка как иноязычные элементы, все же обязаны своему появлению иноязычному влиянию.

Среди иноязычной лексики функционирующей в языке можно выделить экзотизмы. В отличие от заимствованных слов, экзотическая лексема остаются неосвоенными в системе языка и предстают в речи (или тексте) в форме, наиболее близкой исконной форме в языке-доноре. Обуславливается это тем, что потребность в использовании экзотической лексики является чисто ситуативной. Экзотизмы обозначают понятия и явления, свойственные культуре языка-донора и отсутствующие в культуре языка-реципиента, и, как правило, экзотизмы встречаются в текстах переводной литературы.

Не адаптированные к системе языка экзотизмы так и остаются иноязычными вкраплениями и не являются частью лексического состава языка. Однако со временем экзотизмы могут утратить свою «экзотичность» и нейтрализоваться в языке-реципиенте. Происходит это в первую очередь

тогда, когда из чужой культуры заимствуется также понятие, которое обозначает экзотизм. Меняется статус слова, а вместе с тем и его языковые свойства: лексема теряет прямую зависимость от иноязычного этимона и встраивается в систему языка-реципиента.

Особую группу слов представляет собой интернациональная лексика или интернационализмы, т. е. лексические единицы, встречающиеся в ряде языков и обладающие в той или иной степени фонетическим, грамматическим и семантическим сходством [Нелюбин 2003: 64]. В лексической системе любого языка интернационализмы занимают особое место и образуют так называемый международный словарный фонд, который постоянно пополняется и обновляется [Маринова 2014: 122].

Важным источником появления интернациональной лексики являются национальные языки. Происхождение интернационального слова из языка того или иного народа определяется в первую очередь экономическими, политическими, социо-культурными предпосылками и зависит от того, имеет ли народ авторитет или определенное влияние в какой-либо сфере. Разные языки служили источником для интернациональной лексики на разных исторических этапах.

Из всех Европейских стран Италия одной из первых встала на путь капиталистического развития, поэтому не удивительно, что огромный поток итальянских слов, впоследствии ставших интернационализмами, начал распространяться в другие европейские языки. Среди них лексемы, относящиеся к области финансов (итал. *banca* – русск. *банк*, англ. *bank*, франц. *banque* и др.), архитектуре (итал. *galleria* – русск. *галерея*, англ. *gallery*, греч. *γαλαρία* и др.), живописи и музыке (итал. *cantata* – русск. *кантата*, греч. *καντάτα*, англ. *cantata*, польск. *kantata*, франц. *cantate* и др.) и др.

В XVII-XVIII вв. в политической и экономической жизни Европы важную роль играет Франция. В этот период интернациональная лексика

пополняется словами французского происхождения. Такие слова обозначали предметы домашней обстановки, одежды и моды, кулинарии и т. п.:

франц. *boudoire* – русск. *будуар*, англ. *boudoir*, греч. *μπουντουάρ*, итал. *boudoir*, польск. *buduar* и др.

франц. *galant* – русск. *галантный*, англ. *gallant*, порт. *galante*, нидерл. *galant* и др.

франц. *mode* – русск. *мода*, нидерл. *mode*, итал. *moda*, греч. *μόδα* и др.

Среди пришедшей из французского языка интернациональной лексики есть термины греко-латинского происхождения, семантическое наполнение которых трансформировалось во французском языке на фоне революционных событий:

франц. *constitution* – русск. *конституция*, англ. *constitution*, нем. *Konstitution*, итал. *costituzione* и др.

франц. *revolution* – русск. *революция*, нем. *Revolution*, англ. *revolution*, польск. *rewolucja* и др.

С конца XVIII в. и по наши дни английский язык является источником интернациональной лексики, которая пополняется словами разной тематики, например:

англ. *import* – русск. *митинг*, итал. *importazione*, франц. *importations* и др.

англ. *flirt* – русск. *флирт*, итал. *flirt*, греч. *φλερτ* и др.

англ. *jeans* – русск. *джинсы*, польск. *dżins*, итал. *jeans*, франц. *jean* и др.

Среди интернационализмов есть так слова, пришедшие из других языков, однако в силу ряда причин таких слов не много.

Большое количество интернационализмов имеют греко-латинское происхождение. Часть из них представляет собой целиком заимствованные лексем. Например:

- из греч. *φιλοσοφία* – русск. *философия*, итал. *filosofia*, англ. *philosophy*, франц. *philosophie*, польск. *filozofia*, датск. *filosofi* и др.

- из лат. *res publica* – русск. *республика*, итал. *repubblica*. англ. *republic*, польск. *republika* и др.

Материалом для формирования интернациональных слов могут служить также отдельные словообразовательные элементы греческого (*βιο-* ‘жизне-’, *υδρο-* ‘водо-’, *τηλε-* ‘далеко’, *-φιλος* ‘-люб’, *-φοβος* ‘ненавистник’) и латинского (*acqua-* ‘водо-’, *inter-* ‘между’, *sub-* ‘под’, *super-* ‘над’) происхождения. Нередко случается, что греческие и латинские словообразовательные элементы комбинируются между собой. К примеру, слово социология является соединением латинского элемента *socio-* ‘общество’ и греческого *-λογία* ‘-словие, наука о...’.

Среди интернационализмов немало слов общеупотребительных. Тем не менее большинство интернациональных слов представляют собой термины различных наук. Склонность научной терминологии использовать интернационализмы можно объяснить тем фактом, что именно в тех областях человеческой деятельности, к которым относятся термины, наиболее широко осуществляются международные связи [Акуленко 1972: 127-128].

Следует также отметить, что понятие лексического интернационализма является относительным. Чаще всего можно говорить о зональных интернационализмах, то есть о лексических единицах, являющихся универсальными для ряда языков одного ареала. Все вышеперечисленные интернационализмы свойственны европейско-американскому ареалу. Интернациональные лексемы могут принадлежать и другому ареалу. Например, арабское слово *kitab* ‘книга’ вошло в языки практически всех народов, культура которых была связана с исламом [Маслов 1987: 208]. Таким образом, слово *kitab*, не вошедшее в европейские языки, все же является зональным интернационализмом.

Ассимиляция иноязычного слова

Включение иноязычной лексической единицы в лексический состав языка подразумевает приспособление заимствуемого слова системе языка-реципиента. Адаптация слова осуществляется на разных уровнях:

- фонетическом
- графическом
- морфологическом
- синтаксическом
- семантическом

В процессе становления иноязычной лексемы в заимствующем языке можно выделить следующие этапы [Крысин 2004: 37-44]:

1. На начальном этапе иноязычная лексическая единица употребляется в тексте или в речи в ее исконной орфографической (либо фонетической, когда речь идет об устной речи) и грамматической форме, в том же графическом виде, что и в языке оригинала.

2. На втором этапе заимствованное слово приспособляется к системе языка-реципиента. Происходит транслитерация или транскрибирование, его морфологическое оформление; оно подчиняется синтаксическим нормам языка. Слово теряет внешние признаки иноязычности, заимствованное слово, тем не менее, может восприниматься носителями языка чуждым либо непривычным.

3. На следующем этапе заимствованная лексема перестает восприниматься как иноязычная и употребляется носителями языка наравне с исконной лексикой. Тем не менее, может наблюдаться сохранение за словом социальных, ситуативных, жанровых и стилистических особенностей.

4. Далее заимствованная лексема теряет жанрово-стилистический и социально-лингвистический окрас и становится общеупотребительной.

5. Завершающим этапом адаптации иноязычного слова является его регистрация в словаре. Несомненно, фиксация лексемы в словаре является важным подтверждением того, что она стала частью лексико-семантического богатства языка, так как словари, как правило, кодифицируют регулярно употребляющиеся лексемы.

Адаптация иноязычного слова к системе заимствующего его языка – процесс длительный, происходящий постепенно. При этом совсем не обязательно, что каждое заимствованное слово проходит все этапы становления и адаптации в языке. Не все иноязычные слова, введенные в текст или речь в качестве вкрапления, становятся со временем частью языка. Владеющие несколькими языками, среди которых могут быть и мертвые (например, латынь), индивиды при формировании фраз на родном языке могут свободно обращаться к иноязычному лексическому материалу, но случаи такого употребления будут иметь единичный характер. Оформление иноязычного слова по правилам заимствующего языка также не всегда приводит к выходу слова за рамки индивидуального авторского применения и переходу в общее употребление. Например, в «Письмах об изучении природы» А. Герцена встречаем такое предложение: «Яков Бем... имел мужество принимать *консеквенции*...». Используемая А. Герценом в этом отрывке словоформа *консеквенции* является латинским словом *consequens, consequentis* ‘результат’, записанным кириллицей и оформленным в соответствии с фонетической и морфологической структурой языка. Однако, несмотря на адаптацию слова к системе русского языка, словоформа так и не стала общеупотребительной.

Даже зафиксированные в словаре слова иноязычного происхождения могут сохранять некоторые особенности в употреблении: они могут тяготеть к одним типам коммуникативных ситуаций и почти не встречаться в других, использоваться лишь в речи лиц, принадлежащих к определенным социальным группам и т. д. К примеру, такие иноязычные лексемы русском

языка, как *ратификация* и *денонсировать*, часто встречаются в текстах дипломатических документов, но в иных контекстах используются сравнительно реже. Термин *пролонгация* встречается в первую очередь в медицинской, юридической и финансовых областях, а в некоторых случаях, когда один из говорящих не знаком со специфической терминологии одной из этих областей, заменяться на синоним *продление* (например, *продление договора*).

Многие иноязычные элементы, независимо от их употребительности, могут остаться не до конца освоенными в системе заимствующего языка. К примеру, они могут не включаться в систему падежного склонения, сохранять чуждые языку-реципиенту фонетические или орфографические особенности.

В других случаях заимствованные слова настолько осваиваются в языке-реципиенте, что становятся практически незаметными, а их иноязычное происхождение можно открыть только научно-этимологическим анализом. Такими словами, к примеру, в русском языке являются следующие: *бумага*, *кровать*, *фонарь* (греческого происхождения); *июль*, *август* (латинского происхождения); *солдат*, *суп*, *жилет* (французского происхождения); *бас*, *тенор* (итальянского происхождения); *ярмарка*, *стул*, *лозунг* (немецкого происхождения); *сундук*, *казна*, *халат* (арабского происхождения); *лошадь*, *сарафан* (тюркского происхождения) и др.

Ассимилированное в заимствующем языке иноязычное слово проявляет следующие признаки:

- передается на письме графическими средствами языка, а в речи подчиняется правилам произношения.
- соотносится с грамматической системой заимствующего языка, встраивается в систему грамматических классов и категорий.
- интегрировано в синтаксическую систему языка.

- включается в систему семантических связей и противопоставлений.

- проявляет словообразовательную активность.
- регулярно употребляется в устной и/или письменной речи.

Говоря об адаптации заимствованного слова также следует различать, каким способом происходит заимствование: устным путем через живое разговорное общение либо посредством различных письменных источников, таких как книги, газеты и журналы, документы и т. п., т. е. путем письменным.

Когда заимствование иностранных слов происходит на разговорном уровне, эти слова легче усваиваются в языке. При этом лексические единицы, заимствованные устным путем, чаще подвергаются искажениям: их в первую очередь адаптируют под особенности фонетической и морфологической системы языка-реципиента, включают в существующие в языке синтаксические связи, подвергают народной этимологии и т. п. Кроме того, можно отметить, что пополнение словарного состава языка таким путем носит случайный характер. Остается не установленным, почему заимствуются те, а не иные слова, и почему из этого, а не из другого языка [Реформатский 1996: 250].

При втором – книжном или письменном – способе заимствования иноязычные лексемы в заимствованном языке как по звуковому виду, так и по своему значению остаются приближенными к оригиналам, сложнее поддаются ассимиляции в заимствующем языке и сохраняют чуждые ему фонетические и грамматические черты.

Важно также отметить, что большая или меньшая генетическая и структурная общность взаимодействующих языков способствует (или, наоборот, препятствует) не только самому переходу лексики из одного языка в другой, но и процессам адаптации заимствованной лексики в новой языковой среде [Звегинцев 1962: 246]. Действительно, родство языков позволяет

лексики легче переходить из одного языка в другой, ведь для включения заимствованной лексемы в фонетический, морфологический, синтаксический строй языка и в уже существующие семантические системы требуется меньшее количество метаморфоз внутри этой лексемы. В то же время, когда взаимодействие, следствием которого является заимствование, происходит между далекими в структурном плане языками, иностранные лексические заимствования из-за структурных особенностей могут вести относительно изолированное существование в заимствующем языке, как, например, заимствования из европейских языков в китайском.

На процесс ассимиляции иностранного слова, а также его внешний вид и значение в языке-реципиенте оказывает определенное влияние, происходит ли заимствование непосредственно из языка-источника или через посредничество других языков. Например, посредничеством немецкого языка можно объяснить метаморфозы при заимствовании французской лексемы *officier*: именно из-за посредничества немецкого *Officer* в русском языке появилось слово *офицер* с фонемой <ц>, а не <с>. Наиболее ярко влияние языка-посредника на заимствованное слово проявляется в случаях, когда иноязычное слово приходит в язык дважды через посредничество разных языков. К примеру, персидское слово *saraj* ‘дворец’ было заимствовано в русский язык в двух вариантах: через татар в виде *сарай* ‘крытое неотапливаемое помещение для хранения имущества’ и через турков, балканские народы и французский язык в виде *сераль* – ‘гарем’ [Реформатский 1996: 251].

Условия и причины лексического заимствования

Исследователи феномена лингвистического заимствования выделяют как главное условие взаимодействия двух языков и заимствование из одного в другой наличие двуязычия. При этом важную роль в этом процессе

исполняют отдельные индивиды, которые владеют несколькими языками, либо понимают помимо своего родного еще один язык.

В первую очередь двуязычие развивается на границах между двумя смежными языковыми территориями, а также на территориях, где на определенном историческом этапе имело место длительное и интенсивное взаимодействие двух народов. Важную роль в формировании двуязычия играют также колонизация и завоевание новых территорий, массовые переселения и миграции отдельных индивидов, длительное пребывание в стране, где говорят на иностранном языке и т. п. Определенное значение могут иметь и путешествия отдельных индивидов в чужие страны. Кроме того, овладеть иностранным языком возможно и вне непосредственного контакта с народом. В данном случае языковым материалом могут стать различные письменные источники. Однако в этом случае можно утверждать, что знакомство с иностранным языком остается достоянием определенной прослойки, выделяющейся уровнем образования [Пауль 1969: 460].

Знание двух или нескольких языков отдельного индивида проявляется не в том, что в его речевой деятельности смешиваются элементы разных языковых систем. В зависимости от степени владения языками индивид с определенной легкостью будет переходить от одного языка к другому, но в границах одной фразы главную функцию будет выполнять лишь один язык. При этом в процессе речевой деятельности может случиться так, что в речь на одном языке будет включен какой-либо элемент другого языка. В большинстве случаев это происходит неосознанно и чаще окказионально. Однако заимствованный элемент может «прижиться» сперва в небольшой социальной группе, членом которой является этот индивид, а затем уже благодаря тенденции к выравниванию и в процессе индивидуальных актов получить более широкое употребление и войти в систему изоглосс, формирующих язык.

Основные причины лингвистического заимствования можно условно разделить на две группы: внешние и внутренние.

1. Внешние (экстралингвистические) причины

К внешним, или экстралингвистическим причинам следует отнести наличие экономических, политических, социальных и культурных связей между народами – носителями языков. Лексический состав, как самая изменчивая сфера языка, наиболее полно и ярко отражает любые исторические изменения общества. Поэтому взаимодействие между народами, интенсификация или ослабление связей между ними находит свое отражение, в первую очередь, в лексическом богатстве языка.

Взаимодействие народов – носителей разных языков наблюдается с давних времен и затрагивало различные сферы отношений. С развитием международной торговли происходило заимствование географических названий, или топонимов, названий денежных единиц, а также названий различных товаров, ввозимых из других стран. При этом, если речь идет о природных продуктах, то их названия вместе с самим продуктом могут переходить в язык народов с весьма высоким культурным уровнем развития из языка нецивилизованных народов. В то же время, когда речь идет об обработанных изделиях и их названиях, а также о научных и технических понятиях, то важной предпосылкой их заимствования из одного языка в другой является некоторое культурное превосходство народа – носителя языка-донора [Пауль 1969: 462].

На переход лексики из одного языка в другой также влияло и историко-политическое развитие общества. Многочисленные войны на протяжении всей истории человечества приводили к тому, что один народ захватывал другой. Язык завоевателей устанавливался государственным языком, каким, например, был английский язык в Индии и в других колониях Британской Империи. Особенно в тех случаях, когда народ-завоеватель

находился на высоком уровне культурного развития, его язык заметно обогащает язык побежденного народа. Однако возможно и прямо противоположное, когда побежденный народ отличается высоким уровнем развития культуры, язык победителей перенимает множество элементов языка проигравших, что, например, наблюдалось при захвате Греции Латинской Империей. При длительных контактах такого рода даже между различными языками возникают взаимные влияния, при которых лексемы могут заимствоваться обоими языками в двух направлениях. Такой феномен мы наблюдаем при анализе современных греческого и турецкого языков. Греческий язык заимствовал немало черт языка народа-захватчика. В то же самое время, хотя завоеватели всячески избегали использования слов из языка поработанных греков, все же неизбежно заимствовали греческие слова, обозначающие понятия и предметы, не существующие ранее в языке Османской империи [Κουκκίδη 1960: 5-6].

В некоторых случаях также наблюдается заимствование иноязычной лексики сверх нормальной потребности. Происходит это в тех случаях, когда чужой язык и культура ценятся больше своего языка. Некоторые языки, т. к. их носители внесли огромный вклад в развитие науки, технологий, экономики, культуры и т. п., воспринимаются носителями других языков как более престижные. Таким образом, благодаря моде на иностранные языки, в европейские языки проникло множество галлицизмов, а в современное время словарные составы многих языков пополняются словами английского происхождения, в частности, «американизмами».

В то же время авторитетность языка-источника в той или иной сфере может влиять на заимствование другими языками научных терминов. Так, можно говорить о большом количестве научных, медицинских, литературных и т. п. терминов в современных европейских языках. Кроме того очевидно, что при переводе текстов на тот или иной язык переводчик сталкивался с проблемой отсутствия в языке этимона, соответствующего тому или иному

греческому или латинскому понятию. Поэтому греческие и латинские термины не переводились: они либо оставались в своей первоначальной форме, либо передавались языком перевода соответствующими кальками.

Кроме того, слово может заимствоваться иностранным языком в качестве эвфемизма, когда по определенным причинам лексема, уже существовавшая в языке-реципиенте, кажется говорящему нежелательной как слишком резкая, грубая или даже непристойная. Иноязычные слова и выражения в этом случае расцениваются как более пригодные для вуалированная сути явления, чем исходная лексика [Крысин 2004: 281].

2. Внутренние (языковые) причины

Кроме внешних процессов, влияющих на заимствование лексических единиц, необходимо также рассматривать саму структуру воспринимающего языка.

Включение иностранных слов в родной язык происходит чаще всего как следствие определенной потребности [Пауль 1969: 462]. Так, заимствование лексической единицы происходит тогда, когда в языке-реципиенте, не существует лексической единицы для обозначения какого-либо предмета или явления. Кроме того, следует отметить, что в каждом языке существуют категории слов, например, имена собственные, экзотизмы и т. п., которые принципиально не могут переводиться, а значит, при переходе в другой язык могут только заимствоваться [Маринова 2014: 159]. В таком случае можно говорить о заимствовании лексемы вместе с обозначаемым понятием.

С другой стороны, этимон для обозначения понятия может уже существовать, но при этом соответствующая лексема имеет несколько значений. Заимствование иноязычного слова может происходить как результат тенденции к устранению полисемии исконного слова языка-реципиента, упрощению его смысловой структуры. Заимствование также

может объясняться потребностью детализировать, уточнить, сузить соответствующую лексему воспринимающего языка, выделить некоторые смысловые оттенки и разграничить сферы использования. Таким образом в языке-реципиенте могут функционировать как исконная лексическая единица, так и заимствованное слово, которые делят между собой сферы использования. При этом эти сферы могут более или менее пересекаться, но никогда не совпадают полностью [Крысин 2004: 28]. Так, например, в русском языке для заимствованного слова *хобби* имеется исконно русские синонимы, такие как *увлечение*, *страсть*, однако используются они в разных контекстах.

Говоря о лингвистических причинах заимствования, следует отметить стремление любого языка к экономии языковых средств. Таким образом, может происходить заимствование иноязычной аббревиатуры, которая укрепляется в воспринимающем языке именно благодаря своей краткости. Например, во многих европейских языках можно встретить английскую аббревиатуру *V.I.P.* (русск. *вин*), которая расшифровывается как *very important person* ‘очень важная персона’.

Стремление языка к краткости и лаконичности можно отметить также тогда, когда языковая система стремится заменить единой лексемой словосочетания, обозначающие единое цельное понятие. Такая замена нередко осуществляется путем заимствования из другого языка. Например, заимствованная лексема *спринт* используется вместо описательной конструкции *бег на короткие дистанции*. Однако не обязательно возможность заменить описательную конструкцию лексемой из другого языка приведет к заимствованию. Так, слово французского происхождения *оранжат*, обозначающее *напиток с апельсиновым соком*, вряд ли прижилось бы в русском языке как заменитель словосочетания *апельсиновый сок*, так как в русском языке уже сложилась система из описательных конструкции «определение + слово *сок*» [Крысин 2004: 31].

Напротив, существенно облегчает проникновение в язык иноязычных слов тенденция в заимствующем языке к образованию слов с аналогичной структурой или наличие в языке группы таких слов. К примеру, в XX в. русский язык заимствовал из других языков слова-усечения, такие как *кино, такси, метро*, освоение которых облегчалось существовавшей в то время тенденции к усечению слов и словосочетаний [Крысин 2004: 28].

Обратные, или возвратные заимствования

Особый интерес представляют собой так называемые обратные, или возвратные, заимствования. Речь идет о словах, заимствованных из одного языка в другой, которые позже возвращаются в язык-донор, но в измененном виде.

Обратное, или возвратное, заимствование по сути своей является тем же лексическим заимствованием, и поэтому определяется теми же условиями и обуславливается теми же причинами, что были изложены ранее. Главным отличием между обычным лексическим заимствованием и обратным заимствованием является направленность этого процесса. В первом случае процесс происходит в одном направлении, то есть из языка-донора заимствуемая лексема переходит в язык-реципиент либо напрямую, либо опосредованно, через другие языки. Во втором же случае процесс идет в двух направлениях: из языка-донора слово переходит в язык-реципиент, а затем возвращается обратно уже в измененном виде. Схематично можно представить этот процесс в виде цепочки, звеньями которой являются лексемы, и в которой первое и последнее звено должны принадлежать одному и тому же языку, а центральные звенья могут относиться к одному или более языкам [Αναστασιάδη-Συμεωνίδη 1985: 261-265].

Вторым необходимым условием, которое помогает выявить случаи обратного заимствования, является отсутствие в центральных звеньях цепочки заимствований неологизмов. В первую очередь это касается слов, которые

были созданы для обозначения новых понятий в языке-реципиенте из элементов других уровней, заимствованных ранее из языка-донора. Например, слово *φωτογραφία* ‘фотография’ носителями греческого языка воспринимается как чисто греческое образование, в то время как на самом деле это заимствованное французское слово *photographie* ‘фотография’. Об обратном заимствовании, очевидно, в данном случае не может идти речи, т. к., хотя формально французская лексема состоит из частей греческого происхождения (греч. *φῶς, φωτός* ‘свет’ и *γράφω* ‘пишу, рисую, описываю’), сама лексема была образована именно во французском языке на основе морфем греческого языка, выделенных из заимствованных ранее лексических единиц.

Феномен обратного заимствования особенно ярко заметен в тех языках, которые на определенном этапе вследствие определенных исторических условий оказали большое влияние на другие языки. Так большое количество обратных заимствований мы находим во французском языке (из английского), в немецком языке (из французского), в итальянском языке (из французского и английского). Например, старофранцузское слово *fleureter* ‘порхать с цветка на цветок’ было заимствовано английским языком, где оно трансформировалось как по форме в слово *flirt*, так и по содержанию. В обновленном значении ‘флирт’ слово было заимствовано обратно во французский язык.

Изучение обратных заимствований позволяет проследить взаимное влияние двух языков, более полно раскрыть феномен заимствования во всем его многообразии. Именно поэтому в данной работе отдельная глава будет посвящена исследованию обратных заимствований в греческом языке через посредничество итальянского языка.

Для греческого языка феномен обратного заимствования имеет большое значение, особенно когда речь идет о паре «греческий-итальянский». Греческий язык, который с глубокой древности считался важнейшим языком культуры, стал источником для заимствования лексики во многие языки. С

течением времени заимствованные слова, вследствие особых исторических и социально-экономических условий, а также благодаря научным и техническим достижениям, претерпев определенные изменения в языке-реципиенте как в форме, так и в значении, вернулись обратно в греческий язык. В свою очередь итальянский язык, который в течение долгого времени ориентировался на латинский язык, с одной стороны, наследовал большое количество слов греческого происхождения из латинского языка, на протяжении долгого времени сохраняя ориентацию на латинский язык. С другой стороны, обращение к греческому языку продолжается и далее, так как греческий язык являлся языком-моделью для мыслителей Возрождения. Во время Венетократии на Ионических островах, на Крите и островах Эгейского моря напротив наблюдается обратный процесс: огромный пласт итальянских слов переходит в греческий язык, и среди этих лексем встречаются и такие, которые можно назвать обратными заимствованиями.

Греческие лексические заимствования в итальянском языке

Исторический контекст

При изучении лексического заимствования из греческого языка в итальянский следует отметить важную роль латинского языка, т. к. итальянский язык наследовал большое количество лексем греческого происхождения именно из латыни. Латинский язык в течение многих веков царил на Западе сперва как язык римлян-завоевателей, а затем в качестве официального языка Западной Церкви и интеллектуалов эпохи Возрождения. Вследствие определенных исторических условий греческий и латинский языки находились в постоянном взаимодействии, оказывая влияние на различные аспекты соседнего языка. Как латинский язык сильно обогатил лексический состав греческого языка, так и греческий язык послужил важнейшим источником для множества лексических заимствований в латинский язык.

Уже в середине VIII в. до н. э. в латыни появляются следы греческого влияния. В это время начинается активная колониционная деятельность древнегреческих полисов. Одним из главных направлений греческой колонизации была «Великая Греция» (Μεγάλη Ἑλλάς или Magna Graecia) - область, включающая в себя часть территории современной Южной Италии (Сицилия и часть Апеннинского полуострова). При этом греческие колонизаторы основывали свои колонии на побережье, тогда как территории вглубь полуострова продолжали населять местные племена, говорящие на своих наречиях. Греческие колонии стали своеобразным мостом между достижениями греческой цивилизации и местными народами, оказывая на них большое влияние как в культурном, так и в лингвистическом плане.

В III в. до н. э. Римская Империя завоевывает территории, принадлежавших греческим колонизаторам, а также поработщет и континентальную Грецию (после победы Римской Империи над коринфянами

в 146 г. до н. э. в битве при Коринфе). Однако греческое койне остается лингва франка Восточного Средиземноморья, то есть всей восточной части Римской Империи, хотя официальным языком оставался латинский. Койне звучало и за границами греческого мира. Например, часто греческое койне звучало в Риме, отчасти благодаря эмигрантам, говорящих на греческом языке (среди которых были сирийцы, евреи и т. п.), отчасти из-за того, что греческий был вторым языком образованных римлян [Adrados 2005: 182]. Таким образом, посредством языка завоеванная Греция одерживала верх над своим завоевателем, как отмечал даже римский поэт Гораций 14 г. до н. э.: *Graecia capta ferum cepit uictorem et artes intulit agrestic Latio* [Epist II 1: 156-157]. В латинский язык устремляется большое количество греческих слов различной тематики: из церковной сферы, сферы торговли и ремесленного производства, мореплавания, медицины, одежды и домашнего обихода. Эти греческие слова переходили в латынь не только через греческие тексты, но и, главным образом, через повседневное общение носителей двух языков.

Популяризации греческого языка и распространению его в Средиземноморье способствовало основание Александрийской Библиотеки в III в. до н. э. Библиотека в Александрии была не просто собранием книг: она представляла собой скорее академию, где жили и работали ученые и преподаватели. Именно в Александрии в III-II вв. до н. э. был переведен на древнегреческий язык Ветхий Завет. Все сохранившиеся до наших времен рукописи Нового Завета также были написаны на древнегреческом языке. Позже с возникновением и распространением христианства как на востоке Империи, так и на западе, греческий стал языком христианской церкви.

В VI в. при правлении Юстиниана Великого издается свод законов на греческом языке, а в IX в., когда к власти приходит Македонская династия, греческий вытесняет латинский язык, становится официальным языком Византии от Дуная до Евфрата и Нила, а также завоеванных территорий на Западе [Adrados 2005: 182].

После падений Западной Римской Империи в 476 г. греческий элемент на западе, и как следствие его влияние на латинский язык, заметно уменьшился. Однако взаимодействие латинского языка и греческого не прекращается. Вследствие некоторых исторических, экономических и социальных предпосылок, таких как возвращение в VI в. н. э. отдельных провинций (Сицилии, Корсики и др.), массовые переселения монахов с Востока на Запад в VIII в. в результате Иконоборчества, а также развитие торговых отношений, в латинский язык переходит большой поток слов из греческого языка. Заимствование латынью греческой лексики не прекращается и с образованием на территории распространения латинского языка национальных языков, таких как французский, итальянский и др., т. к. латынь продолжает быть официальным языком Запада, а также универсальным языком при взаимодействии различных народов, говорящих на разных языках.

После падения Римской Империи на территории современной Италии латынь постепенно начинает вытесняться множеством местных говоров, которые позднее сформировались в современные итальянские диалекты. На протяжении долгого времени (вплоть до 1870 г., когда произошло объединение) итальянская территория была поделена независимыми маленькими государствами, что стало основой для развития двуязычия, когда каждый говорил на своем родном диалекте и на стандартном итальянском, развившимся из тосканского диалекта.

Итальянский язык наследовал немалое количество слов греческого происхождения из латыни. Краткий обзор грецизмов латинского языка, проникших в разговорную речь, глубоко там закрепившихся и впоследствии вошедших в лексикон итальянского языка, приводит Б. Мильорини [Migliorini 2001: 33-34]. Среди таких слов названия растений и фруктов (*olivo* ‘олива’, *mandorlo* ‘миндаль’), название животных (*balena* ‘кит’, *delfino* ‘дельфин’),

части тела человека (*braccio* ‘плечо’, *stomaco* ‘живот’), названия болезней (*cancrena* ‘гангрена’, *spasimo* ‘отрая боль, спазм’) и др.

Некоторые слова греческого происхождения попали в итальянский язык через посредничество французского языка, в частности, франкопровансальского диалекта, к примеру греч. *λαμπάς* > лат. *lampas* > франц. *lampe* > итал. *lamp* ‘лампа’. Вследствие определенных исторических условий (захват арабами территории на востоке и на Сицилии, Крестовые походы и др.) греческие слова были заимствованы итальянским из арабского языка: греч. *ἀμβίξ* > арабск. *al-ambik* (сочетание с артиклем) > итал. *alambicco* ‘дистилятор, перегонный куб’.

Следующий важный этап во взаимодействии итальянского языка и греческого наступает после 1204 г. События IV Крестового похода отдали в руки крестоносцев Константинополь, а также земли, некогда принадлежавшие Империи, которые теперь были разделены между латинянами. В 1261 г. Михаил VIII Палеолог смог вытеснить латинян из Константинополя, однако многие византийские территории так остались под властью Запада. После падения в 1453 г. Константинополя под натиском Османской Империи именно эти территории остаются островками греческой цивилизации, находящимися в непосредственном контакте с итальянской культурой и языком.

Ярким примером может послужить остров Крит, который с 1211 г. и до падения Кандии в 1669 г. принадлежал Светлейшей Республике Венеции. На Крите складывается уникальная языковая ситуация. Итальянский язык становится языком политики и культуры, однако многие интеллектуалы либо являются носителями греческого языка, либо владеют греческим как минимум на разговорном уровне. Влияние на разных уровнях языковой системы прослеживается в обоих направлениях. Критский диалект подвергся значительному влиянию итальянского языка. К примеру, в образовании формы перфекта в драме «Жертвоприношение Авраама» с помощью сочетания глагола *ἔχω* с перфективным причастием пассивного залога можно

проследить черты итальянского *Passato Remoto* [Лещенко 2015: 44-45]. Так же венецианский диалект итальянского языка заметно обогащается чертами греческого языка Крита.

Заимствование языковых черт греческого языка в западноевропейские языки не прекратилось и после захвата османами Константинополя в 1453 г. Во многом это объясняется тем, что после захвата города, а также окрестных территории многие греческие мыслители двинулись на Запад в поисках убежища. Обосновавшись на островах, принадлежащих Венеции (Крит, Ионийские острова), либо в городах современной Италии, греческие интеллектуалы продолжали изучать тексты, написанные на греческом, и переводить их на итальянский язык, а также обучать греческому языку.

Таким образом, история взаимодействия греческого языка с латынью, которая стала проводником для греческих лексем в современный итальянский, и собственно с итальянским языком насчитывает не одно столетие. Долгое время торговых отношений, культурных связей и совместного существования носителей не могло не оставить след в лексическом богатстве обоих языков.

Тематический анализ греческих заимствований и их семантическая трансформация

Необходимо отметить, что проникновение лексических единиц греческого происхождения в итальянский язык было возможно несколькими путями. Во-первых, через посредничество позднего латинского языка, который впитал в себя большое количество греческих слов на протяжении долгих веков взаимодействия языков. Во-вторых, через повседневное общение носителей итальянского языка с византийцами, которые продолжали говорить на греческом языке, находящемся на более позднем этапе своего развития [Adrados 2005: 256]. Позднее, в эпоху Гуманизма, с ростом интереса к

классической эпохе и ее культуре, начинают активно изучаться тексты, написанные на классической латыни и древнегреческом языке. Эти тексты также становятся важным источником греческих лексем, проникающих в итальянский язык.

Благодаря такому многостороннему взаимодействию греческого языка с латинским и итальянским, как на уровне повседневного общения носителей языков, так и через классические и более поздние тексты, мы встречаем в итальянском языке большое количество лексем греческого происхождения различной тематики, от предметов домашнего обихода до научных понятий. Среди множества греческих заимствований можно выделить тематические группы, показывающие на какие сферы жизнедеятельности больше всего повлиял греческий язык.

Важное значение в процессе заимствования греческих лексических единиц в латинский и итальянский языки имеет долгое совместное существование носителей двух культур, их постоянное общение в первую очередь на бытовом уровне. Так, первые заимствования из греческого языка в латынь осуществлялись на устном уровне и представляли собой в основном слова из повседневного узуса. Некоторые заимствования настолько сильно укоренялись в разговорном языке, что сохранились в нем на протяжении веков и позднее стали частью лексикона итальянского языка [Migliorini 2001: 33]. Среди таких заимствований можно выделить следующие группы:

- названия животных (итал. *balena* ‘кит’ от греч. *φάλαινα*; итал. *tonno* ‘тунец’ от греч. *θύννος*; итал. *delfino* ‘дельфин’ от греч. *δελφίς, ἴνος*; итал. *seppia* ‘каракатица’ от греч. *σηπία*; итал. *scoiattolo* ‘белка’ от греч. *σκίουρος*, итал. *cefalo* ‘кефаль’ от греч. *κέφαλος*)
- растения и фрукты (итал. *olivo* ‘олива’ от греч. *ἔλαιον*, итал. *mandorlo* ‘миндаль’ от греч. *ἀμύγδαλος*, итал. *melo* ‘яблоня’ от *μηλέα*, итал. *ciliegio* ‘черешня’ от греч. *κεράσιον*, итал. *garofano* ‘гвоздика’ от греч. *καρυόφυλλον*, итал. *pepe* ‘перец’ от греч. *πέπερι*)

- предметы домашнего обихода (итал. *lampada* ‘лампа’ от греч. *λαμπάς, ἄδος*; итал. *tappeto* ‘ковер’ от греч. *τάπης*; итал. *cofano* ‘сундук’ от греч. *κόφινος*; итал. *canestro* ‘корзина’ от греч. *κάναστρον*; итал. *borsa* ‘сумка’ от греч. *βύρσα*)

- морские термины (итал. *governare* ‘управлять’ от греч. *κυβερνάω*, итал. *pelago* ‘открытое море’ от греч. *πέλαγος*, итал. *scalmo* ‘уключина’ от греч. *σκαλμός*)

- названия частей тела и болезней (итал. *braccio* ‘плечо’ от греч. *βραχίων*, итал. *stomaco* ‘живот’ от греч. *στόμαχος*, итал. *nervo* ‘нерв’ от греч. *νεῦρον*, итал. *cancrena* ‘гангрена’ от греч. *γάγγραινα*, итал. *spasimo* ‘острая боль’ от греч. *σπασμός*) и др.

Контакты на разговорном уровне продолжались и позднее, уже после падения Рима и распространения национальных языков. Так, кроме древних заимствований, наследованных итальянским из латыни, существуют также грецизмы, заимствованные напрямую в итальянский язык из византийского греческого. В итальянский язык, к примеру, продолжают проникать морские термины (итал. *gondola* ‘гондола’ от греч. *κονδοῦρα*, *molo* ‘пирс, дамба’ от греч. *μῶλος*), названия растений (итал. *anguria* ‘арбуз’ от греч. *ἀγγούριον*, итал. *basilico* ‘базилик’ от греч. *βασιλικόν*, итал. *indivia* ‘салат эндивий’ от греч. *ἐντύβιον*), предметов домашнего обихода (итал. *lastrico* ‘мостовая’ от греч. *ὄστρακον*), военные термины (*catasto* ‘кадастр’ от греч. *κατάστιχον*) и др. [Dardano, Trifone 1995: 641].

Следует отметить значение отдельных регионов и их диалектов в заимствовании греческих слов в итальянский язык. В первую очередь необходимо выделить Венецию и венецианский диалект. Начиная с VIII в. венецианцы вели активную торговлю с Востоком. Интенсивность торговых отношений Венеции с Византией, а также некоторое привилегированное положение венецианских торговцев показывает, к примеру, знаменитый хрисовул Алексея I Комнина 1082 г., создававший для венецианских купцов

исключительное положение во владениях Империи. В Константинополе Венеции был уступлен целый квартал со всеми лавками и мастерскими, которые здесь находились, и три морских причала в пределах этого квартала [Соколов 1963: 283]. Позднее, по результатам IV Крестового похода Венецианская Республика завладела несколькими приморскими городами материковой территории Византии, островами Кефалония, Негропонте (совр. Эвбея), Корфу, а также островом Крит, который не только стал важным звеном в венецианской торговле, но и крупнейшим культурным центром. Постоянное присутствие венецианцев в Восточном Средиземноморье, безусловно, способствовало взаимному влиянию греческого языка и венецианского диалекта.

В своем исследовании М. Кортелаццо выделяет 278 слов греческого происхождения в венецианском диалекте, которые в свою очередь разделяет на 24 категории [Cortelazzo 1970: XLI - XLVII]:

- природа - 18 слов
- море - 87 слов
- человек и его дом - 64 слова
- общество - 55 слов
- торговля - 26 слов
- абстрактные понятия, эмоциональные и пустые слова - 28 слов

Ни один другой итальянский город, даже на юге Италии, где присутствие греческого элемента было особенно стабильно, не имел таких тесных, продолжительных и несколько привилегированных взаимоотношений с греческим миром [Kolonia, Peri 2008: 47], поэтому вполне естественно, что через посредничество венецианского диалекта в итальянский язык, а также другие языки Европы, попало большое количество греческих лексических заимствований.

В процессе заимствования из греческого языка в венецианский и итальянский, а затем и функционирования заимствованной лексики языке-

реципиенте, она часто претерпевала ряд изменений в семантике. Интересно, например, проследить семантическое развитие слова *arcipelago* ‘архипелаг’. В современном итальянском языке данная лексема обозначает «группу островов, расположенных в одном море на небольшом расстоянии друг от друга и имеющих одинаковые характеристики» [Zingarelli 1996: 135]. Первоначально в венецианском диалекте лексема, образованная из греческой приставки *ἀρχι-* ‘главный, старший’ и *πέλαγος* ‘море’ относилась в первую очередь к части Средиземного моря, расположенному между Грецией, Македонией и Азией [Pianigiani 1907a: 76], то есть к Эгейскому морю, а также, с помощью метонимического переноса, к островам Эгейского моря. Вследствие генерализации значения, т. е. переносу значения от частного к общему, так начинают называть все объединения островов. Через посредничество венецианского диалекта греческая лексема проникает также в другие языки: англ. *archipelago*, исп. *archipiélagos*, нем. *Archipel*, польск. *archipelag*, русск. *архипелаг*.

Значительным было присутствие греческого элемента на юге Италии, где вплоть до появления в регионе норманнов носители греческого языка представляли собой большинство [Guilou 1976: 348]. Примечательно то, что присутствие греков в Южной Италии, в отличие от других ее регионов, оставалось значительным и непрерывным на протяжении долгих веков, начиная от первых колонии греческих полисов¹. Именно поэтому на юге итальянского полуострова, а также на островах, мы находим особенно большое количество топонимов, берущих свое название из греческих лексем. Например:

итал. *Napoli* < греч. *Νεάπολις* (*νέα* ‘новый’ + *πόλις* ‘город’)

итал. *Amendolea* < греч. *αμυγδαλέα* ‘миндальные деревья’

¹ Можно отметить, что на юге Италии вплоть до наших дней сохранились два островка греческого языка: на юге Калабрии (шесть деревень) и в Апулии, в области Саленто, недалеко от города Лечче (восемь деревень и небольших городов). Греческие диалекты юга Италии представляют собой остаточный диалект древнегреческого языка, подвергшийся интенсивному влиянию романских языков [см. Κωντοσόπουλος 2001: 16-20].

итал. *Dasà* < греч. *δάσος* ‘лес’

итал. *Spilinga* < греч. *σπήλυξ* ‘пещера’

итал. *Pallagorio* < греч. *παλαιό χωρίον* ‘старый край’

итал. *Calimera* < греч. *καλημέρα* ‘доброе утро’

итал. *Leuca* < греч. *τα λευκά* ‘белые [земли]’

итал. *Limina* < греч. *λίμνη* ‘озеро’

итал. *Bronte* < греч. *βροντή* ‘гром’

итал. *Cataratti* < греч. *καταρράκτης* ‘водопад’

Важно отметить, что в Южной Италии долгое время сохранялось большое количество греческих монастырей. Монахи этих монастырей, носители греческого языка, являлись посредниками в письменных заимствованиях из греческого языка, которые позже проникали в разговорный язык. Среди таких заимствований, наряду с религиозной терминологией, встречаются термины агрикультуры, кулинарии, медицины [Kolonia, Peri 2008: 54]. Часто лексемы, заимствованные из греческого языка, претерпевают семантические изменения в языке юга современной Италии, и уже в измененном значении переходили в итальянский язык. Так, к примеру, греческое слово *μακαριά* ‘еда, которую предлагали в доме усопшего после похоронной процессии’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1037] через разговорный язык Южной Италии проникает в современный итальянский язык в форме *maccherone* (чаще встречается, однако, в форме множественного числа *maccheroni*), обозначая ‘общее название всех видов пасты’.

Устные заимствования, проникшие в язык через непосредственное общение носителей языков, часто подвергаются семантическим изменениям уже в итальянском языке. Так, слова, заимствованные из определенной сферы, благодаря метафорическому переносу могут переходить в семантическое поле другой сферы. К примеру, лексема *governare* ‘управлять’ (от лат. *gubernare* < греч. *κυβερνάω*) первоначально заимствуется в значении ‘управлять кораблем’, а точнее ‘вести корабль меж утесов, избегая мелей, через бури и встречные

ветры'. Метафорическое переосмысление лексемы добавляет ей новое значение 'Быть у руля государства и во время политических волнений гарантировать народу максимальную безопасность' [Pianigiani 1907a: 631]. Таким образом, лексема, из морской терминологии переходит в сферу политического дискурса.

Распространение христианства стало катализатором перехода слов религиозной направленности из греческого языка. Лексемы из сферы религии заимствовались из греческого языка латынью, которая до сих пор является языком католической церкви на Западе и официальным языком Папского Престола. Закрепляясь в латыни, такие слова в дальнейшем переходили в современные западно-европейские языки, один из которых - итальянский.

Среди заимствованных лексем религиозной тематики можно выделить следующие примеры:

итал. *prete* 'священник' < лат. *presbyter* (позднее *previter*) < греч. *πρεσβύτερος* (форма сравнительной степени от *πρέσβυς* 'старый, почтенный')

итал. *monastero* 'монастырь' < лат. *monasterium* < греч. *μοναστήριον* от *μόνος* 'один, одинокий'

итал. *battesimo* 'крещение' < лат. *baptismus* < *βαπτισμός* 'омовение'

итал. *basilica* 'собор' < лат. *basilica* < греч. *βασιλική* 'базилика'

итал. *cresima* 'освящение, миропомазание' < лат. *chrisma* < греч. *χρῖσμα* 'масло, помазание' и др.

итал. *liturgia* 'литургия' < лат. *liturgia* < греч. *λειτουργία* 'литургия'

Формирование религиозных терминов в греческом языке, позже заимствованных латынью, происходило путем добавления нового значения уже существовавшему слову на основе смежности или схожести понятий. Так, например, слово *ἐπίσκοπος* появляется уже в произведениях Гомера в значении 'наблюдатель, надзиратель' [Дворецкий 1958a: 634]. В Греции так называли в том числе префектов, управляющих отдельной провинцией. Со временем так же начали называть главу небольшой христианской общины и, позже,

христианского духовенства в отдельной епархии, чьей задачей было оберегать нравы верующих [Pianigiani 1907b: 1524]. С такими значениями слово *ἐπίσκοπος* заимствуется в латинский язык в форме *episcopus*, а затем и в итальянский язык, сначала в форме *episcopo*, а затем трансформируется путем замены *p* на *v* в *vescovo* ‘эпископ’. Таким образом, лексема повседневного узуса перешла в церковный узус и используется в современных языках именно в связи с христианской религией.

Можно также наблюдать ситуации, когда слово из церковной лексики с течением времени расширяет свое значение и становится повседневным. Так метаморфоза, к примеру, произошла с лексемой *angelo* ‘ангел’, которая была заимствована итальянским языком в значении ‘посланник Божий’. Как и в предыдущем случае, употребление греческого слова *ἄγγελος* начинается намного раньше, чем слово получило религиозный окрас. В значении ‘вестник, посланец, гонец’ лексема используется в произведениях Гомера и Геродота. И лишь в тексте Нового Завета получает значение ‘ангел’ [Дворецкий 1958а: 18]. Далее слово начинает использоваться в том числе и в метафорическом значении, обозначая ‘создание, отличающееся красотой и добротой’ [Devoto, Oli 2008: 127]. Кроме того, лексема приобретает новые значения, не связанные с религией [Zingarelli 1996: 92]:

- Элемент фигурного катания, который выполняется с вытянутым параллельно земле торсом на одной ноге, в то время, как вторая нога вытянута назад в воздухе (в русской традиции ‘ласточка’).
- Снаряд, состоящий из двух полусфер, соединенных железным стержнем или цепью, которая раньше использовалась для разрушения мачты вражеского корабля.
- Одна из фигур гадальных карт «тарокки».
- В зоологии - морской ангел (вид моллюсков).

Подобное произошло и с другими заимствованиями из греческого языка. Интересно, к примеру, проследить историю греческого слова *παραβολή*

‘сопоставление, сравнение’. В христианской литературе слово начинает использоваться как ‘притча, аллегорический рассказ о реальных или вымышленных событиях, содержащий наставления’ [Дворецкий 1958b: 1235], в первую очередь, в отношении притч из Евангелия. В дальнейшем лексема приобретает более общее значение ‘слово’. Именно в этом значении греческое заимствование *parola* ‘слово’ (стяжение первоначального *parabola*) ассимилируется в итальянском языке, вытесняя латинскую лексему *verbum* ‘слово, изречение’ из повседневного узуса.

Следует также отметить, что в сфере религиозной терминологии мы имеем дело не только с заимствованиями, но и с кальками. Например, латинское слово *spiritum* ‘дуновение, дыхание’ (итал. *spirito*) под влиянием греческого *πνεῦμα* ‘веяние, дыхание’, которое также имеет философское значение ‘духовное начало, дух’ [Дворецкий 1958b: 1332], приобретает аналогичное значение. Попытка заменить греческие лексемы латинскими аналогами не всегда оканчивались успехом. Например, была предложена замена *baptizare* (итал. *battezzare* ‘крестить’) на *tingere* ‘смачивать, окрашивать’, *martyr* (итал. *martire* ‘мученик’) на *testis* ‘свидетель, очевидец’. Но в этих случаях одержали верх греческие лексемы, приобретя конкретное терминологическое значение [Migliorini 2001: 35].

Отдельно, пожалуй, стоит выделить грецизмы, появившиеся в итальянском языке на разных исторических этапах не как следствие географических контактов и постоянного взаимодействия носителей двух языков на бытовом уровне, а под влиянием определенного престижа греческого языка. Речь идет о словах, отражающих различные аспекты греческой культуры и ее развития. Древняя Греция вплоть до нашего времени является эталоном культурного развития, колыбелью цивилизации. Достижения греческой культуры в областях литературы, философии, театра, архитектуры и др. не могли не восхищать окружающие народы, которые стремились приблизиться к культурному уровню Греции. Греческая

цивилизация, в том числе греческий язык, вследствие особого культурного и политического авторитета оказывала значительное воздействие на окружающие ее народы, а также на языки этих народов. Так, уже в латинский язык заимствуют многочисленные термины, относящиеся к культуре (итал. *teatro* ‘театр’ < лат. *theatrum* < греч. *θέατρον*, образованное от глагола *θεάομαι* ‘смотреть’), а также создавались кальки греческих слов (например, лат. *ars, artis* стало обозначать ‘искусство’ по аналогии с греч. *τέχνη*; отсюда итал. *arte* ‘искусство’). Большое количество таких заимствований появляется в эпоху Возрождения в связи с повышенным интересом к античности, распространению среди итальянских гуманистов греческого языка и изучению классических греческих и латинских текстов. Так, в итальянском языке мы встречаем множество лексем, заимствованных из греческого, относящихся к различным сферам знания и творческой деятельности человека.

Так, различные термины литературы в итальянском языке являются заимствованиями из греческого языка. Заимствуются названия различных видов произведений (итал. *commedia* ‘комедия’ от греч. *κωμῳδία*, итал. *tragedia* ‘трагедия’ от греч. *τραγῳδία*, итал. *dramma* ‘драма’ от греч. *δρᾶμα*, *inno* ‘гимн’ от греч. *ῥυμος*, итал. *epistola* от греч. *ἐπιστολή*, итал. *epigramma* ‘эпиграмма’ от греч. *ἐπίγραμμα*, итал. *dialogo* ‘диалог’ от греч. *διάλογος*), стихотворных размеров (итал. *dattilo* ‘дактиль’ от греч. *δάκτυλος*, итал. *giambo* ‘ямб’ от греч. *ἴαμβος*, *anapesto* ‘анapest’ от греч. *ἀνάπαιστος*), художественных приемов (итал. *metafora* ‘метафора’ от греч. *μεταφορά*, итал. *perifrasi* ‘перифраза’ от греч. *περίφρασις*, итал. *metonimia* ‘метонимия’ от греч. *μετωνυμία*) обозначения лиц, связанных с литературным творчеством (итал. *drammaturgo* от греч. *δραματουργός*, итал. *poeta* от греч. *ποιητής*), а также другие термины, так или иначе связанные с письмом и литературой (итал. *biblioteca* ‘библиотека’ от греч. *βιβλιοθήκη*, итал. *carta* ‘бумага’ от греч. *χάρτης*).

Чтение и изучение философских произведений на греческом языке, а также их переводы обусловили проникновение в итальянский язык

грецизмов из сферы философии (итал. *filosofia* ‘философия’ от греч. *φιλοσοφία*, итал. *dialettica* ‘диалектика’ от греч. *διαλεκτική*, итал. *idea* ‘идея’ от греч. *ἰδέα*, итал. *critica* ‘критика’ от греч. *κριτική*).

Многие термины из сферы музыки в итальянском языке также имеют греческое происхождение. Речь идет о таких лексемах, как *musica* ‘музыка’ от греч. *μουσική*, *melodia* ‘мелодия’ от греч. *μελωδία*, *ode* ‘ода’ от греч. *ὕδῃ*, *coro* ‘хор’ от греч. *χορός*, *orchestra* ‘оркестр’ от греч. *ὀρχήστρα*, *chitarra* ‘гитара’ от греч. *κιθάρα* и др.

Встречаются заимствования также в сфере языкознания (итал. *dialetto* ‘диалект’ от греч. *διάλεκτος*), архитектуры (итал. *architetto* ‘архитектор’ от греч. *ἀρχιτέκτων*), географии (итал. *orizzonte* ‘горизонт’ от греч. *ὀρίζων*), политики (итал. *democrazia* ‘демократия’ от греч. *δημοκρατία*), философии (итал. *dialettica* ‘диалектика’ от греч. *διαλεκτική*) и др.

Большой Толковый словарь Туллио Де Мауро (*Tullio De Mauro «Il Grande dizionario dell'uso»*) среди 250 000 лем насчитывает около 8000 грецизмов, большинство из которых являются научно-техническими терминами [De Mauro 2000]. Появление грецизмов среди итальянской терминологии совсем не случайно. Даже после широкого распространения итальянского языка как средства повседневного общения, латинский язык долго оставался языком науки. Именно поэтому в формировании научной терминологии итальянского языка важную роль сыграли латинские лексемы, в том числе заимствованные на более ранних этапах слова греческого происхождения. Кроме того, грецизмы из научной сферы заимствовались напрямую из греческого языка.

Развитие западной науки возникает тогда, когда греческими мыслителями уже были достигнуты значительные успехи в философии, филологии, медицине, астрономии, географии, математике, механике и т. д., и, как следствие, была сформирована система терминологии, необходимой для обозначения понятий из разных областей человеческого знания. Поэтому не

удивительно, что латинский язык заимствовал лексемы научного узуса из греческого языка для обозначения уже существовавших концепций и понятий. Так, к примеру, в итальянском языке большое количество названий наук является заимствованиями из греческого языка: *grammatica* ‘грамматика’ от греч. *γραμματική*, *geografia* ‘география’ от греч. *γεωγραφία*, *filosofia* ‘философия’ от греч. *φιλοσοφία*, *aritmética* ‘арифметика’ от греч. *ἀριθμητική* и др.

Заимствование научных терминов из греческого языка в латинский имело огромное значение для всей западной науки: из латыни эти названия перешли в другие западноевропейские языки и прочно укрепились в них. Таким образом, греческий язык способствовал формированию интернациональной лексики. Феномен можно проследить, к примеру, в названиях вышеупомянутых наук:

греч. *γραμματική* – итал. *grammatica*, исп. *gramática*, англ. *grammar*, нем. *Grammatik*, франц. *grammaire* и др.

греч. *γεωγραφία* – итал. *geografia*, исп. *geografía*, англ. *geography*, нем. *Geographie*, франц. *géographie* и др.

греч. *φιλοσοφία* – итал. *filosofia*, исп. *filosofía*, англ. *philosophy*, нем. *Philosophie*, франц. *philosophie* и др.

греч. *ἀριθμητική* – итал. *aritmética*, исп. *aritmética*, англ. *arithmetic*, нем. *Arithmetik*, франц. *arithmétique* и др.

Формирование греческой научной терминологии происходило в основном на базе повседневного языка путем добавления терминологического значения уже существовавшей лексеме из повседневного узуса. Так, греческое слово *κόσμος* ‘упорядоченность, строение, украшение’ в работах Пифагора, который впервые использовал лексему как выражение высшего порядка, начинает обозначать ‘мир’ [Дворецкий 1958а: 974]. При заимствовании в латинский язык, а позднее и в итальянский, значение таких многозначных лексических единиц часто сужается: лексема переходит в язык-реципиент

только в своем терминологическом значении. Таким образом, заимствованное слово *cosmo* в итальянском языке (лат. *cosmos*) обозначает ‘вселенную, пространство с небесными телами, как сложное, гармоничное и упорядоченное единство’, а также ‘звездное пространство’ [Devoto, Oli 2008: 694]. Примечательно то, что в современном греческом языке на первый план также выходит терминологическое значение лексемы, которое, однако, не является единственным [ЛКН 2007: 744-745].

Подобное сужение значения от многозначности в греческом языке к конкретному понятию в латыни мы наблюдаем также в следующем случае. Греческая лексема *κρίσις*, имеющая несколько значений (‘разделение’, ‘суждение, мнение’, ‘спор, состязание’ и др.), в сочинениях Аристотеля обозначает ‘переломный момент’ [Дворецкий 1958а: 984] и именно в этом значении переходит в заимствующий язык. При функционировании в итальянском языке, однако, значение термина *crisi* немного расширяется в связи с использованием слова в различных сферах: медицины, экономики, политики, социологии и др.

Наряду с собственно заимствованными словами в латинском, а позже и итальянском языке, в первую очередь в сфере научной терминологии, существуют многочисленные кальки с греческого языка. Возникали они чаще всего тогда, когда латинские авторы, переводя на латинский язык греческие тексты, стремились передать греческие слова средствами латинского языка. Например, вместо греческой лексемы *εὑρεσις* ‘нахождение’, образованной от глагола *εὕρισκω* ‘находить, обнаруживать’, в латинском языке появляется слово *inventio* ‘находка’, образованное аналогичным образом от глагола *invenire* ‘находить’ (итал. *invenzione* ‘изобретение’).

Множество терминов грамматики в латинском языке, перешедшие затем в итальянский язык, представляют собой кальки с греческого языка. Первые латинские грамматики строились на примере греческих образцов, поэтому естественно, что языковой инструмент латинской грамматики

основывался на греческой терминологии. Некоторые термины греческой грамматической теории были заимствованы, к примеру, лат. *diphthongos* ‘дифтонг’ < греч. δίφθογγος (итал. *dittongo*), лат. *syllaba* ‘слог’ < греч. συλλαβή (итал. *sillaba*), лат. *apostrophus* ‘апостроф’ < греч. ἀπόστροφος (итал. *apostrofo*). Латинские ученые, однако, стремились использовать лексемы латинского происхождения для придания грамматике большей оригинальности. Некоторые уже существовавшие в латыни слова получили терминологическое значение по аналогии с греческими лексемами, например, лат. *nomen* ‘имя [существительное]’ < греч. ὄνομα (итал. *nome*), *casus* ‘падеж’ < греч. πτώσις (итал. *caso*). Другие термины были переведены на латинский язык:

лат. *vocales* ‘гласные’ < греч. φωνήεντα, от φωνήεις ‘одаренный голосом, даром речи’ [Вейсман 1899: 1333] (итал. *vocali*);

лат. *consonantes* ‘согласный’ < греч. σύμφωνα (итал. *consonanti*);

лат. *verbum* ‘глагол’ < греч. ρῆμα (итал. *verbo*);

лат. *adjectivum* ‘прилагательное’ < греч. ἐπίθετον (итал. *aggettivo*) и др.

С другой стороны, следует также отметить, что некоторые попытки заменить греческие лексемы латинскими элементами оказывались безрезультатными, например, использование лат. *errante* (причастие от глагола *errare* - блуждать) вместо греческого заимствования *planeta* ‘планета’ (греч. πλανήτης, образованное от греч. πλανώμαι ‘блуждаю’).

В XVII-XVIII вв. рядом с истинно греческими лексическими элементами, относящимися преимущественно к традиционным наукам, появляется заметное число неологизмов, состоящих из греческих и латинских элементов. Этот феномен был обусловлен необходимостью введения новой терминологии для обозначения принципиально новых понятий, появляющихся в научной мысли времени. Важным фактором, несомненно, было появление новых научных сфер, таких как *idrostatica* ‘гидростатика’, *meccanica* ‘механика’, *pirotecnica* ‘пиротехника’, *psicologia* ‘психология’,

zoologia ‘зоология’, *ornitologia* ‘орнитология’, *paleografia* ‘палеография’ и др. Неологизмы также обозначали новые научные приспособления и инструменты, к примеру, *barometro* ‘барометр’, *termometro* ‘термометр’, *microscopio* ‘микроскоп’, *aerostato* ‘аэростат’, *scafandro* ‘скафандр’ и др. Неологизмы также использовались для обозначения новых научных понятий и теорий: *eliocentrico* ‘гелиоцентричный’, *logaritmo* ‘логарифм’ и др.

Новая система научной терминологии строилась по уже усвоенной модели. Так, вместе с неологизмами появлялись образованные от них лексические элементы, часто с присоединением к греческим словообразовательным элементам морфем итальянского языка: *paleografo* ‘палеограф’ от *paleografia*, *ornitologico* ‘орнитологический’ от *ornitologia*, *zoologista* ‘зоолог’ от *zoologia* и др.

Количество подобных неологизмов заметно возрастает в XIX-XX вв. Они возникают из комбинации греческих и латинских элементов для удовлетворения все новых запросов из разных сфер науки и техники. При этом новые научные термины обычно являются интернациональными, что создает особый научный греческо-латинский язык, позволяющий исследователям со всего мира обмениваться научным опытом.

Примечательно то, что в отношении некоторых терминов-неологизмов, образованных из греческих и латинских элементов, можно проследить примерное время их возникновения. К примеру, слово *telefono* ‘телефон’ датируется последней четвертью XIX столетия, а слово *maratona* ‘марафон’ появляется в 1896 г., когда были возрождены Олимпийские игры [Adrados 2005: 282].

Некоторые греческие элементы, используемые для формирования новых терминов, со временем меняют свое значение. К примеру, в слове *fotografia* ‘фотография’ *foto-* сохраняет свое первоначальное значение ‘свет’ (от греч. *φῶς*, *φωτός*). Однако в образованном от него слове *fotocopia* ‘ксерокопия’, под влиянием уже существовавшей лексемы *fotografia*, *foto-*

используется уже в другом значении ‘изображение’. Греческие элементы могут менять свое значение в образовании новых профессий, как, например, элемент *-nauta* (от греч. *ναύτης* ‘мореплаватель’) в словах *cosmonauta* ‘космонавт’, *aeronauta* ‘аэронавт’, *astronauta* ‘астронавт’.

Частным случаем итальянской научной терминологии является медицинская терминология, в которой особенно широко представлены греческие лексические элементы. История формирования специального медицинского лексикона начинается с трудов Гиппократов и его последователей. Уже в V в. до н. э. в сборнике «Corpus Hippocraticum» мы находим медицинские термины, используемые и в наши дни, такие как *τῦφος* ‘тиф’ (итал. *tifo*), *λήθαργος* ‘летаргия’ (итал. *letargo*), *δυσεντερία* ‘дизентерия’ (итал. *dissenteria*), *διάρροια* ‘диарея’ (итал. *diarrea*), *δίαιτα* ‘диета’ (итал. *dieta*), *φάρμακον* ‘лекарство’ (итал. *farmaco*), *ἐπιδημία* ‘эпидемия’ (итал. *epidemia*) и др. [Hippocrates 1957]. Начиная с работ Гиппократов V в. до н. э. и до Галена II в. н. э. складывается основное ядро греческих медицинских терминов, в первую очередь в сфере анатомии и патологии. Медицинский языковой инструмент латинского мира, как собственно и сама медицина, характеризовались намного более скромным развитием. Медицинские тексты были представлены в первую очередь переводами с греческого языка, при этом, когда возникала проблема в передаче греческих терминов, переводчики часто просто транслитерировали слово и приспособляли его к морфологической системе латинского языка (*arteria* ‘артерия’ < лат. *arteria* < греч. *ἀρτηρία*) либо создавали кальки (*infiammazione* ‘воспаление’ < лат. *inflammatio*, которое получает медицинское значение по аналогии с греч. *φλεγμονή*). Вот некоторые примеры из современной итальянской медицинской терминологии, которые появились еще в античные времена:

итал. *epilessia* ‘эпилепсия’ < лат. *epilepsia* < греч. *ἐπιληψία*

итал. *alopescia* ‘облысение’ < лат. *alopescia* < греч. *ἀλωπεκία*

итал. *epigastrio* ‘эпигастральная область’ < лат. *epigastrium* < греч. *ἐπιγάστριον*

Как любой языковой инструмент, обслуживающий сферу науки, медицинская терминология расширялась с течением времени в связи с развитием медицины. Можно сделать несколько замечаний, связанных с расширением медицинского словаря.

Нередко, существовавшее еще с античных времен слово получает медицинское значение, в первую очередь, благодаря его метафорическому переосмыслению. Примером может послужить термин *embolo* ‘тромб’ (от лат. *embolum*). В древнегреческом языке лексема *ἔμβολος*, образованная от глагола *ἐμβάλλω* ‘бросать, вкладывать’, обозначает что-то, что вторгается, вмешивается. В античные времена лексемой обозначали ‘клинообразное окованное железом приспособление на судне, предназначенное для ударов по вражеским кораблям’ [ЛКН 2007]. В настоящее время слово используется как медицинский термин в значении ‘инородное образование, твердое, жидкое или газообразное, присутствующее в крови’ [Zingarelli 1996: 600]

Многие термины были образованы в Средневековье и Новое Время, однако в рамках словообразовательных возможностей греческого и латинского словаря [Mazzini 2015: 116 - 117]. Например, итал. *embriogenesi* ‘образование эмбриона’ образовано посредством объединения двух греческих элементов: *ἔμβρυον* ‘зародыш’ и *γένεσις* ‘зарождение’. Нередко встречаются также случаи объединения греческих элементов с латинскими. Например, итальянский термин *fetopatia*, образованный в Новое Время, возник путем соединения нескольких элементов: лат. *fetus* ‘эмбрион, плод’ и греч. *πάθος* ‘страдание’ и присоединения к ним суффикса *-ia*, характеризующего слова, обозначающие различные состояния.

Особая роль в процессе формирования латинского языкового инструмента медицины принадлежит арабскому языку. В Средневековье, когда греческий язык был практически полностью забыт на Западе, арабские

переводы греческих медицинских сочинений оставались единственным источником соприкосновения латинской науки с достижениями греческой медицины. Чтение медицинских сочинений в арабском переводе привело к заимствованию обозначений болезней, их симптомов, а также других медицинских терминов из арабского, которые в свою очередь были либо заимствованиями, либо кальками с греческого. Большинство из заимствованных из арабского медицинских терминов, однако, было упразднено в эпоху Возрождения, вследствие возросшего интереса к классическим греческим и латинским источникам и появившейся возможности изучать произведения Аристотеля в оригинале. Лишь некоторые арабизмы, вошедшие в медицинскую терминологию латинского языка, сохранились и до наших дней. Например, арабское влияние можно проследить в выражениях *dura madre* ‘твердая мозговая оболочка’ и *pia madre* ‘средняя оболочка мозга’. Выражения являются кальками с арабских терминов, в которых в свою очередь отражается перевод с древнегреч. *μῆνιγξ σκληρά* и *μῆνιγξ λεπτή*.

Нередко, в итальянском языке происходит метафоризация научной терминологии и, вследствие отсутствия строгости в стилях, термины из разных сфер науки проникают в повседневный разговорный язык [Черданцева 1982: 54]. К примеру, медицинский термин *arteria* ‘артерия’, заимствованный в значении ‘кровеносный сосуд, который доставляет кровь от сердца к периферии’ [Devoto, Oli 2008: 195], со временем из специализированной лексики переходит в разговорный язык в переносном значении ‘важный путь транспортировки и коммуникации’ [там же].

Таким образом, мы видим, что влияние греческого языка на научную терминологию итальянского языка является значительным и неоспоримым. В то же время, необходимо отметить несколько особенностей терминов греческого происхождения. Во-первых, большое количество научных терминов имеет греческое происхождение не только в итальянском языке, но

и во многих других европейских языках, что обуславливает интернациональность научной терминологии. Объясняется это тем, что большинство таких заимствований сначала переходили в латинский язык, остававшийся языком науки даже после появления национальных языков, а уже затем наследовались западно-европейскими языками. Этот факт является второй особенностью научной терминологии: латинский язык является медиатором между греческим языковым инструментом науки и современными европейскими языками, вплоть до того, что латинские и греческие элементы часто не разделяются. Это проявляется, например, в том, что при составлении неологизмов часто происходит контаминация элементов греческого и латинского языков. В-третьих, большое количество научных терминов, имеющих на первый взгляд греческое происхождение, не являются заимствованиями из греческого языка, а представляют собой более поздние образования из греческих элементов.

Проникновение в итальянский язык греческих лексических элементов заканчивается с концом Венецианского управления [Kolonia, Peri 2008: 60]. Редко встречаются грецизмы, вошедшие в итальянский язык с XIX в. и далее. Заимствования этого периода по большей части пассивные и представляют собой варваризмы в итальянском языке, описывающие реалии современного греческого мира. Так, в литературе, посвященной истории греческого государства, можно встретить слово *clefta* (от греч. *κλέφτης*). Основное значение греческой лексемы *κλέφτης* 'вор', однако во времена Туркокрации так называли членов непокорных группировок, уходивших в горы, в основном Олимпа и Пинда, живущих за счет набегов и грабежей и видевших своей целью борьбу с произволом турок [Μπαμπινιώτης 2002: 901]. Именно во втором своем значении термин переходит в итальянский язык. Однако такие заимствования встречаются довольно редко и отличаются узостью использования, оставаясь частью литературного языка.

Графическая, фонетическая и морфологическая адаптация лексических заимствований

При заимствовании слов из греческого языка в латинский вследствие асимметричности их языковых структур происходил ряд фонетических, графических и морфологических изменений.

Как уже было отмечено выше, многие лексемы греческого происхождения в итальянском языке были наследованы им из латыни. Поэтому при изучении фонетических, графических и морфологических особенностей греческих слов в системе итальянского языка необходимо учитывать, какие метаморфозы пережило это слово при переходе из древнегреческого языка в латинский и как развивалось в дальнейшем в латинском языке.

На первом этапе адаптации заимствованного слова происходит его фонетическое (при устном заимствовании) или графическое (при письменном) освоение. Несмотря на то, что греческий и латинский языки относятся к одной языковой семье, их фонетические особенности, а также алфавит, имеют большие различия. Следует также учесть тот факт, что судить о фонетической системе древних языков мы можем лишь косвенно, опираясь на письменные источники, дошедшие до наших дней. Поэтому рассмотрение фонетической ассимиляций греческих слов в латыни должно осуществляться в тесной связи с исследованием их графической адаптации.

Важно также учитывать каким путем слово греческого происхождения было заимствовано в латинский язык. Когда заимствование осуществлялось литературным путем, греческие слова передавались в латыни с максимальной точностью, близко к оригиналу, насколько было возможно:

греч. *ἀπόλογος* > лат. *apologus* > итал. *apologo* ‘аполог’

При заимствовании лексемы устным путем или при возникновении серьезной асимметрии в фонетических и графических системах греческого и латинского языков слово претерпевает сравнительно большее количество

метаморфоз. Выделим некоторые закономерности трансформаций греческих звуков и графических знаков в латинском языке.

Вплоть до конца II в. – начала I в. до н. э. в латинском языке не существовало точных соответствий для глухих придыхательных φ , θ , χ , часто встречающиеся в греческих словах. Поэтому во всех заимствованных из греческого языка словах, содержащих глухие придыхательные, они передавались соответствующими глухими смычными: $\varphi > p$, $\theta > t$, $\chi > c$. К примеру:

греч. *πορφύρα* > лат. *purpura* ‘пурпур’

греч. *μίνθη* > лат. *menta* ‘мята’

греч. *ἀρχιτέκτων* > лат. *arcitectus* ‘строитель’

Позднее под воздействием все более тесных связей между носителями греческого и латинского языка, их повседневных языковых контактах, а также вследствие некоторого стремления латинской культуры подражать своим греческим соседям, в латинском языке появляются придыхательные согласные, передающие соответствующие греческие звуки в заимствованных словах:

греч. *ἀμφορεύς* > лат. *amphora* ‘амфора’

греч. *θύννος* > лат. *thynnus* ‘тунец’

греч. *βραχίον* > лат. *brachium* ‘плечо’

Исключения составляют очень ранние заимствования, которые не получили аспирации (греч. *πορφύρα* > лат. *purpura* ‘пурпур’). Наряду с такими древним заимствования могут, однако, появиться более точные заимствования, уже с аспирацией. Так, от древнего грецизма без аспираты **ampora* было образовано уменьшительное *ampolla* [DELI 1999: 98]. С другой стороны, то же греческое слово появляется в латыни также с аспирацией в виде *amphora*. Таким образом, в итальянском языке заимствованная греческая лексема *ἀμφορεύς* ‘большой сосуд с двумя ручками’ имеет два фонетических варианта *ampolla* ‘ампула’ и *anfora* ‘анфора’.

В разговорном языке, а также при переходе заимствований из классической латыни в народную латынь, а затем в современные романские языки придыхание в аспиратах часто утрачивается. К примеру, греческое слово *θησαυρός*, заимствованное в латинский язык в форме *thesaurus*, путем потери аспирации в итальянском языке превратилось в *tesoro* ‘сокровище’ (ср. франц. *trésor*, исп. *tesoro*).

По аналогии с исконными латинскими словами в некоторых заимствованиях греческое *φ* передавалось как *f*:

греч. *φύκος* > лат. *fuscus* > итал. *fusco* ‘фукус’

Скорее исключение из правил представляет собой передача греческого *φ* как *b* в следующем примере:

греч. *φάλαινα* > лат. *balaena* > итал. *balena* ‘кит’

Появление в данном случае *b* объясняется влиянием окского языка или мессапского диалекта [Biville 1990: 63], посредничеством одного из северных балканских языков [Walde 1910: 82-83] или происходит от иллирийского либо праиндоевропейского слова [Трессани].

Аналогично, для передачи древнегреческого звука *ρ* в начале слова, всегда имеющий густое придыхание, появляется сочетание *rh*. При переходе слов греческого происхождения с таким сочетанием в итальянский язык, также как и в случае глухих придыхательных, наблюдается его упрощение в *r*:

древнегреч. *ῥυθμός* > лат. *rhythmus* > итал. *ritmo* ‘ритм’

древнегреч. *ῥέυμα* > лат. *rheuma* > итал. *reuma* ‘ревматизм’

Следы аспирации можно найти в других языках, например, в орфографии англ. *rhythm* ‘ритм’.

Важную роль в процессе фонетического освоения греческих лексем при их заимствовании в латынь, а позднее в итальянский язык играет феномен озвончения. Глухие закрытые звуки древнегреческого языка *π*, *τ*, *κ* в латинском языке становятся *p*, *t*, *c*. Однако в некоторых может наблюдаться

озвончение согласных в *b, d, g*. Например, греч. дорич. *καμπά* / ион.-атт. *καμπή* > лат. *gamba* > итал. *gamba* ‘нога’.

Греческое *σ* в начале слова передавалось как *s*, к примеру, греч. *συμφωνία* > лат. *symphonia* > итал. *sinfonia* ‘симфония’. Однако в положении между двумя гласными *σ* передается на письме с помощью *s*, но произносится как /z/, что сохраняется и в итальянском языке:

древнегреч. *Μουσεῖον* > лат. *Musēum* > итал. *museo* ‘музей’

Двойные согласные греческого языка *ξ* и *ψ* передавались в латинском как *x* /ks/ и *ps*. При переходе лексемы из латыни в итальянский часто происходит ассимиляция двух согласных:

древнегреч. *γύψος* > лат. *gypsum* > итал. *gesso* ‘гипс’

древнегреч. *πόξος* > лат. *buxus* > итал. *bosso* ‘самшит’

Греческие гласные *α, ε, ο/ω, ι* в латинском языке передаются как *a, e, o, i* соответственно. Однако следует учесть фонетические феномены, происходящие в латинском языке и влияющие на дальнейшее развитие фонетического и графического облика слова. В латинском языке в заимствованиях древнего происхождения на разных этапах происходят изменения в гласных в соответствии с различными фонетическими законами латинского языка. К примеру, в соответствии с фонетическими законами латинского языка *a* перед *r* переходило в *e* (греч. *καμάρα* > лат. *camera*) [Гарник 2015: 23]. К тому же, в закрытых слогах наблюдается сужение *a* > *e* и *o* > *i* (греч. *τάλαντον* > лат. *talentum*). Также наблюдается ослабление *a, e, u* в *i, u* (греч. *μάχαινα* > лат. *machina*).

Анализ различных фонетических феноменов, которым подверглось слово, помогает определить хронологию заимствования слова. Слова древнего заимствования подверглись наибольшему количеству различных фонетических изменений. Слова, в которых не произошли такие изменения, являются более поздними заимствованиями, например:

греч. ἄβαξ, ἄβακος > лат. *abax/abacus* > итал. *abaco* ‘абак, счетная книга’

Греческое *υ* в заимствованных словах передавалось разными способами. Связано это было с тем, что в самом греческом языке его произношение разнилось в зависимости от диалекта, а также в разные этапы существования греческого языка. При заимствовании в латинский язык *υ* менялся либо на /u/, либо на /i/:

греч. *μυραίνα* > лат. *myraena* > итал. *murena* ‘мурена’

но греч. Ὀλυμπος > лат. *Olimpus* > итал. *Olimpo* ‘Олимп’

Позднее, примерно в I в. до н. э., в латинский алфавит вводится буква *u*, которая являлась эквивалентом греческого *υ* и использовалась в словах греческого происхождения. В некоторых заимствованных лексемах *i* и *u* были заменены на *u* (*Olympus*), тогда как в более старых заимствованиях, которые уже не воспринимались таковыми, такой замены не произошло (греч. *πορφύρα* > лат. *purpura*).

В классическом греческом языке *υ* произносился как /ü/. Вероятно, образованные люди пытались произносить *u* в заимствованных словах как можно ближе к греческому оригиналу. Однако довольно скоро *u* начинает читаться как /i/ (что может быть обусловлено в том числе аналогичным переходом *υ* в греческом языке). В итальянском языке буква *u*, представляющая собой эквивалент *i*, широко использовалась до XVI в. в словах греческого происхождения. Позднее фонетический критерий в орфографии стал заметно доминировать над этимологическим, поэтому в большинстве заимствованных слов *u* в результате перешло в *i* [Трессани]:

греч. *σύστημα* > лат. *systema* > итал. *sistema* ‘система’

Особый случай представляет собой передача греческих дифтонгов в заимствованных словах.

Греческий дифтонг *αι* в латыни передается двумя способами. В начале слова - как *ae* (греч. *αἰγίς*, *-ίδος* > лат. *aegis*, *-idis*). В середине слова

данный дифтонг может передаваться как *i* (греч. *ἐλαία* > лат. *eliva* > итал. *oliva* ‘олива’), так и как *ae* (греч. *παλαίστρα* > лат. *palaestra*). Сохранение дифтонга в середине слова может объяснить тем, что слово является литературным заимствованием [Гарник 2015: 24]. В народной латыни дифтонги исчезают, стягиваясь в простые звуки. Дифтонг *ae* стягивается в *e* и в таком виде греческие заимствования переходят в итальянский язык:

греч. *αἰγίς* > лат. *aegis* > итал. *egida* ‘эгида, защита’

греч. *παλαίστρα* > лат. *palaestra* > итал. *palestra* ‘гимнастический зал’

Дифтонг *ei* греческого языка имеет в латинском два соответствия: *i* и

e. Например:

греч. *εἰρωνεία* > лат. *ironia* > итал. *ironia* ‘ирония’

греч. *βαλανεῖον* > лат. *bal(i)neum* > итал. *bagno* ‘ванна’

Дифтонг *oi* в латинском языке передается через *oe* или *ae* и впоследствии упрощается в *e*:

греч. *ποινή* > лат. *poena* > итал. *pena* ‘кара, боль’

греч. *οἰσοφάγος* > лат. *aesophagus* > итал. *esofago* ‘пищевод’

Дифтонг *au* при заимствовании слов в латынь остается без изменений. К примеру:

греч. ион. *αὐλή* / дор. *αὐλά* > лат. *aula* > итал. *aula* ‘зал, аудитория’

При этом на следующих стадиях дифтонг *au* иногда стягивается в *o*:

греч. *θησαυρός* > лат. *thesaurus* > итал. *tesoro* ‘сокровище’

Дифтонг *eu* в устных заимствованиях передается или через *e*, если он был в конце слова, или через *u*, если находился в середине [Гарник 2015: 24]. Однако в словах, заимствование которых происходит книжным путем, греческий дифтонг может сохраняться и передаваться *eu* и в таком виде переходить в итальянский язык, как, например, в следующем случае:

греч. *εὐρυθμία* > лат. *eurythmia* > итал. *euritmia* ‘соразмерность, ритмичность’

Густое придыхание (‘) в греческих словах чаще всего передавалось с помощью *h*. В латинском языке звук /h/ был очень слабым и практически не произносился в разговорном языке, поэтому постепенно он утрачивается и в современном итальянском языке опускается:

греч. *ἵπποπόταμος* > лат. *hippopotamus* > итал. *ippopotamo* ‘гиппопотам’

греч. *ῥῆνος* > лат. *hymnus* > итал. *inno* ‘гимн’

Важным условием ассимиляции заимствованного слова является его морфологическая адаптация к системе языка. При заимствовании слов из греческого языка в латинский не наблюдаются значительные морфологические изменения вследствие относительной схожести морфологических систем двух языков. Намного важнее здесь являются те изменения, которые происходят в народной латыни.

Большинство среди всех заимствований из греческого языка представляют существительные. Переходя из греческого языка существительные легко подстраиваются под падежно-родовую систему латинского языка путем изменения типично греческих окончаний на латинские.

Однако встречаются и исключения. В качестве заимствуемого в латинский язык слова может выступать греческое слово в форме, отличной от номинатива единственного числа. К примеру, некоторые существительные среднего рода на *-ον*, очевидно под влиянием множественного числа на *-α*, были заимствованы в латинский язык как существительное женского рода на *-a*. Объяснить такой переход можно большой частотностью употребления таких слов именно во множественном числе:

греч. *καρωτόν* / мн. ч. *καρωτά* > лат. *carota* > итал. *carota* ‘морковь’

Греческое слово *ἀμφορεύς* мужского рода было заимствовано в латинский язык как *amphora* женского рода, на основе аккузатива единственного числа *ἀμφορέα*:

греч. ном. *ἀμφορεύς* / акк. *ἀμφορέα* > лат. *amphora* > итал. *anfora*
'амфора'

Некоторые греческие слова появляются в латыни в нескольких формах:

греч. *πύξος* > лат. *buxis* ж. р. 'букс (дерево)' / *buxim* м. р. 'древесина из этого дерева'

Это противопоставление, однако, стирается уже в народной латыни, где наблюдается исчезновение категории среднего рода [Алисова, Репина, Таривердиева 2007: 126]. К примеру, заимствование среднего рода *balneum* превращается в *balneus* мужского рода. В итальянском языке противопоставление по роду также имеет двухчастную систему: при переходе в итальянский язык слова женского рода остаются таковыми, а слова среднего рода, как и слова мужского рода, становятся словами мужского рода.

Следует отметить, что в латинском языке грецизмы проявляли словообразовательную активность. Словообразовательные морфемы, в частности уменьшительно-ласкательные суффиксы, оказали большое влияние на формирование слов греческого происхождения, заимствованные позднее итальянским языком. Например:

греч. *σκηνή* > лат. *scena* / *scaena* > позднелат. произв. *scenarium* > итал. *scenario* 'сценарий'

греч. *βαλανείον* > лат. *balineum* / *balneum* > позднелат. произв. *balneare* > итал. *bagnare* 'поливать, мочить'

Словообразовательные метаморфозы в заимствованных из греческого словах происходят и в самом итальянском языке. Например, от заимствования *scena* 'сцена' образуется глагол *sceneggiare* 'инсценировать, писать сценарий'; из заимствования *basilico* 'базилик' образуется существительное *basilicante* 'производитель базилика'. Важную роль здесь играет так называемая «alterazione» - особый тип суффиксации, при котором слово не меняет своего основного значения, меняются лишь его определенные

аспекты (количество, качество, отношение говорящего) [Dardano, Trifone: 602]. Так, от заимствования *garofano* ‘гвоздика’ образованы *garofanino*, *garofanétto*, *garofanóne*; от *macchina* ‘машина’ - *macchinétta*, *macchinina*, *macchinùccia*; *macchinóna*, *macchinàccia*, от *tappeto* ‘ковёр’ - *tappetino*, *tappetùccio*, *tappetóne*, *tappetàccio* и т. п.

Подобная активность греческих заимствований в итальянском языке свидетельствует о большой интеграции грецизмов в системе заимствующего языка. Однако не все слова греческого происхождения полностью ассимилированы в итальянском языке. Это проявляется, например, в определении рода некоторых существительных греческого происхождения. Греческие заимствования на *-ta* являются словами мужского рода (*il teorema* ‘теорема’, *il problema* ‘проблема’, *il poema* ‘поэма’). Слова греческого происхождения, оканчивающиеся на *-i*, являются словами женского рода (*la diagnosi* ‘диагноз’, *la crisi* ‘кризис’). Некоторые греческие заимствования на *-a* являются словами общего рода (*il pediatra* - *la pediatra* ‘педиатр’). Кроме того, когда речь идет об образовании множественного числа существительных, следует отметить, что заимствования из греческого языка, оканчивающиеся на *-i*, не изменяют своего окончания во множественном числе (*la metropoli* ‘столица, метрополия’ - *le metropoli* ‘столицы, метрополии’).

Обратные, или возвратные заимствования

На протяжении длинной истории существования греческий и латинский языки, учитывая постоянные экономические, социально-политические и культурные контакты между носителями этих языков, сильно повлияли на лексический состав друг друга. Уже в античных текстах, написанных на латыни, мы встречаем немалое количество слов греческого происхождения. Процесс заимствования наблюдался и в обратном направлении. Среди заимствований из латинского языка в греческий мы встречаем такие, которые можно определить как возвратные. Например, греч. *κάμαρα* ‘крытая повозка со сводчатым верхом, сводчатая комната’ < лат. *camara/camera* ‘сводчатый потолок, свод’ < греч. *καμάρα* ‘свод, арка’. Однако чаще всего слова греческого происхождения наследовались из латыни западно-европейскими языками и уже оттуда возвращались в греческий язык.

Среди всех обратных заимствований греческого языка, вследствие особых исторических условий, больше всего таких, которые вернулись из итальянского языка [Βασμανόλη 2007: 359]. Итальянский язык, наследовавший множество лексем греческого происхождения из латыни, а также заимствовавший слова напрямую из греческого языка, со временем вследствие определенных исторических и культурных предпосылок сам становится источником лексического заимствования для греческого языка. Важно отметить, что влияние итальянского языка на греческий, в результате которого во втором из них появляются обратные заимствования, осуществлялось, в первую очередь через непосредственное устное общение носителей языков в процессе их жизнедеятельности.

Все обратные заимствования из итальянского языка можно разделить на те, что вследствие заимствования поменяли только форму слова, не изменив при этом свое основное значение, и те, которые заимствовали как форму слова, так и его семантическое содержание.

Особый интерес представляют обратные заимствования, которые в процессе перехода из одного языка в другой не претерпели значительных изменений в своей семантике. Такие итальянские заимствования были адаптированы носителями греческого как на уровне фонетики, так и на уровне морфологии и синтаксиса, а также широко используются в повседневной речи, вытеснив первоначальную форму. При этом, в современном греческом языке могут существовать обе лексемы, как первоначальная, ранее заимствованная в итальянский язык (вернее форма, представляющая ее закономерное развитие), так обратное заимствование из итальянского. В таких случаях две словоформы могут представлять собой синонимичную пару:

греч. *βραχίον* ‘предплечье, рука’, субстантивированная форма сравнительной степени прил. *βραχύς* ‘короткий’ > лат. *bracchium* ‘часть руки от локтя до кисти’, иногда ‘вся рука от плеча до пальцев’ > итал. *braccio* / венец. *brazzo* ‘плечо’ > греч. *μπράτσο* ‘плечо’

Заимствованное слово *μπράτσο* является синонимом слова *βραχίονας* (вполне закономерное развитие формы *βραχίον*), в значении ‘часть тела человека от плеча до локтя’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1149], а также в метафорическом смысле ‘что-то похожее на плечо по форме или функционированию’. Однако вариант *βραχίονας* относится к более высокому рангу, по сравнению с синонимом и может использоваться в том числе как термин анатомии [Μπαμπινιώτης 2002: 384].

Составляя синонимическую пару в новогреческом языке, часто словоформы делят между собой сферы употребления. Так, в словаре новогреческого языка Г. Бабиньотиса [Μπαμπινιώτης 2002: 1134] обратное заимствование *μπάλσαμο* определяется как синоним чисто греческой формы *βάλσαμο*:

греч. *βάλσαμον* ‘бальзам’ > лат. *balsamum* ‘бальзам’ > итал. *balsamo* ‘бальзам’ > греч. *μπάλσαμο* ‘бальзам’

Оба слова имеют прямое значение ‘ароматические вещества, получаемые из растений и используемые в медицине, и парфюмерии’ и ‘общее

название растений, из которых производят ароматические вещества'. Также используются в переносном значении 'что-то, что радует душу и облегчает боль'. Однако отмечается, что заимствованная словоформа является более разговорной формой и чаще используется именно в переносном значении [Μπαμπινιώτης 2002: 344].

Часто итальянское заимствование вытесняет из повседневного употребления греческий эквивалент. Примером может служить заимствование *μπάνιο*, 'специальное место в доме, снабжение всем необходимым для мытья', а также сам 'процесс мытья', этимология которого представляет собой следующую цепочку:

греч. *βαλανείον* 'баня, купальня', 'купание' > лат. *balineum* /*balneum* 'баня, ванна', 'купание' > итал. *bagno* 'ванна', 'купание' > греч. *μπάνιο* 'ванна', 'купание'.

Семантика лексической единицы *μπάνιο* не сильно изменилась по сравнению с первоначальной формой, так как основное значение 'место для омывания', а также 'процесс омывания' сохранилось. При этом обратное заимствование полностью вытеснило из повседневного обихода первоначальную словоформу. Форма *βαλανείο*, образованная из формы древнегреческого языка путем выпадения конечного *ν*, используется в современном языке исключительно в качестве археологического термина.

Пример подобного замещения в повседневной речи первоначальной лексемы заимствованным словом можно найти и в следующей этимологической цепочке:

греч. *θύννος* 'тунец' > лат. *thynnus* / *thiinnus* / позднелат. *tunnius* 'тунец' > итал. *tonno* 'тунец' > греч. *τόν(ν)ος* 'тунец'

Первоначальная форма *θύννος* существует в новогреческом языке исключительно как специальный термин ихтиологии, тогда как в повседневной речи используется исключительно форма *τόνος*. Показательно то, что в современном греческом языке словоформе *τόνος* соответствуют два

омонимичных слова, и несмотря на это обратное заимствование закрепилось в узусе.

В случаях обратного заимствования из итальянского языка как формы слова, так и его семантического наполнения, в современном греческом языке могут функционировать обе словоформы, но в разном значении. К примеру, лексема *άρια*, являющаяся обратным заимствованием, при переходе в греческий язык сохраняет лишь одно из значений, которое оно имеет в итальянском языке - «музыкальное произведение для одного голоса с инструментальным сопровождением» [Μπαμπινιώτης 2002: 273]. Этимологическую цепочку можно представить следующим образом:

греч. ном. *ἀήρ*, *ἀέρος* / акк. *αέρα* ‘воздух’ > лат. ном. *aer*, *aeris* / акк. *aera* ‘воздух’ > итал. *aria* ‘воздух’, в музыке – ‘ария’ > греч. *άρια* ‘ария’.

В современном греческом языке существует словоформа *αέρας* с основным значением ‘ветер, атмосфера’, представляющая собой закономерное развитие древнегреческой формы *ἀήρ*, и обратное заимствование *άρια*. При этом лексема *άρια* отличается более узким значением, по сравнению с лексемой *αέρας*, и их семантические поля не пересекаются.

Семантические трансформации могут наблюдаться также непосредственно при переходе лексем из итальянского языка в греческий. Например, итальянская лексема *parola* ‘слово’ (от греч. *παραβολή*) переходит в греческий язык в форме *παρόλα*. Однако лексема, которая в итальянском языке может использоваться с негативными коннотациями только в определенном контексте (к примеру, *qui ci vogliono fatti e non parole* ‘здесь нужны дела, а не слова’ [Devoto, Oli 2008: 1948]), в греческом языке имеет исключительно отрицательное значение: ‘разговоры, слова, произнесенные неразумным человеком, или слова, не имеющие значения’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1348].

Как уже отмечалось выше, особую роль в отношениях греческого и итальянского языка играла Светлейшая Венецианская Республика. Обратные

заимствования из итальянского языка (несомненно, через посредничество венецианского диалекта) мы встречаем уже в произведениях, написанных на управляемом Венецианской Республикой Крите в эпоху Критского Возрождения. В драме «Жертвоприношение Авраама», написанной в конце XVI – начале XVII вв. на Крите предположительно уроженцем города Кастро (совр. Ираклион) Винченцо Корнаросом, есть такая строка:

«*μαγάρι ας είχε κείτιστα ακόμα λγωμένη*» [Μέγας χ.ε.: 19]

‘ах если бы она все еще лежала без сознания’

Очевидно, что использованная автором лексема *μαγάρι* является заимствованием из итальянского частицы *magari* ‘хорошо бы, вот бы’. В свою очередь лексема *magari* происходит из греческого слова *μακάριος* ‘счастливый, блаженный’, вернее из формы вокатива *μακάριε* (средневековый греч. *μακάρι*) [DELI: 908]. Обратное заимствование, использованное Винченцо Корнаросом в тексте произведения, не прижилось в современном языке. В стандартном греческом языке используется аналог итальянской частицы *μακάρι* с примерно тем же значением, которая происходит из той же лексемы, использованной в выражении *μακάριόν ἐστι* ‘благословенно есть’ [ΛΚΝ 2007: 813-814].

Следы влияния венецианского диалекта можно проследить и в современном греческом языке. Так, греческое слово *μπόρα*, ‘неожиданный сильный кратковременный дождь’, ‘буря, гроза’, является возвратным заимствованием из венецианского диалекта. Этимологию слова можно описать следующей цепочкой:

греч. *βορέας* ‘Борей (бог северных ветров)’, ‘северо-северо-восточный, иногда северный ветер’, ‘север’. > лат. *boreas* ‘Борей’, ‘северный ветер’ > венец. *bora* ‘северо-восточный ветер’ > греч. *μπόρα* ‘буря, гроза’

Настоящее значение в современном греческом языке обратное заимствование получило благодаря метонимии. В свою очередь метафорическое переосмысление слова сформировало и переносное значение: ‘внезапное и

большое несчастье, обычно кратковременное' и (только во множественном числе) 'страдания, мучения' [ЛКН 2007: 1145].

Некоторые обратные заимствования из итальянского языка принадлежат лишь отдельным диалектам современного греческого языка. К таким случаям можно отнести лексему *πίατσα* 'площадь', которая используется на месте стандартного греческого слова *πλατεία* 'площадь' в некоторых современных диалектах (например, на островах Наксос, Самос и др.):

греч. *πλατεία όδός* 'широкая дорога' > субстантивированное *πλατεία* 'улица' > лат. *platea* 'улица' > итал. *piazza* 'площадь' > греч. *πίατσα* 'площадь'

Адаптация заимствованных итальянских лексических элементов в греческом языке не вызывает особых трудностей. Объяснить это можно тем, что заимствованию подвергаются в основном существительные, подстроить которые под грамматическую систему заимствующего языка не представляет большой сложности вследствие относительной близости систем склонения греческого и итальянского языков. При переходе слова из итальянский в греческий можно выделить следующие закономерности:

- Итальянские слова женского рода, оканчивающиеся на *-a*, легко приспособляются к системе греческого языка и изменяются по типу существительных женского рода, оканчивающихся на *-α* (итал. *lamp*a 'светильник' > греч. *λάμπα* 'лампа').
- Итальянские слова мужского рода, оканчивающиеся на *-o*, чаще всего в греческом языке становятся словами среднего рода, оканчивающимися на *-ο*, и изменяются в соответствии с правилами склонения существительных среднего рода (итал. *brazzo* 'плечо' > греч. *μπράτσο* 'плечо').

Однако при заимствовании в греческий язык итальянских слов их определение в системе грамматических противопоставлений может ориентироваться на окончание множественного числа, что, по всей вероятности, обусловлено частотностью употребления лексемы именно во множественном числе. При этом форма множественного числа, оканчивающаяся на *-i*, в

греческом языке становится существительным среднего рода, оканчивающимся на *-ι* (итал. *pisello* ‘горошина’ / мн. ч. *piselli* ‘горошины, горох’ > греч. *πιζέλι* ‘горошина’). Случается и обратное, когда окончание женского рода *-α* в итальянском языке ассоциируется с окончанием среднего рода множественного числа в греческом языке. В таком случае при заимствовании слово переходит в греческий язык в форме среднего рода множественного числа, от которого уже в последствие образуется единственное число в соответствии с парадигмами греческого языка (итал. *carota* ‘морковь’ > греч. мн. ч. *καρότα* / ед. ч. *καρότο* ‘морковь’).

По другой схеме происходит адаптация заимствованного итальянского слова в системе греческого языка, когда речь идет о глаголе. Среди всех обратных заимствований из итальянского языка в греческий встречается лишь один глагол:

греч. *χαλάω* ‘отпускать’, ‘отвязывать’ > лат. *c(h)alare* > итал. *calare* ‘спускать (паруса)’, ‘бросать (сеть)’ > греч. *καλάρω* ‘спускать (паруса)’, ‘бросать (сеть)’

Заимствованный глагол ориентируется на форму инфинитива и приспособляется к морфологической системе глагола путем замены последнего *-e* на личное окончание первого лица единственного числа *-ω* по типу других заимствованных из итальянского языка глаголов (например, итал. *parcare* ‘парковаться’ > греч. *παρκάρω* ‘парковаться’).

Приспособление обратных заимствований к фонетической системе греческого языка также не вызывало больших сложностей. В первую очередь благодаря тому, что почти все обратные заимствования были осуществлены устным путем, через непосредственное общение носителей языков, в том числе именно на бытовом уровне. Другими словами, при переходе итальянской лексемы в греческий язык происходило сначала заимствование ее звуковой оболочки, а уже затем слово получало графическое оформление по аналогии с

исконными словами греческого языка. Единственным случаем письменного заимствования является следующий пример:

греч. *σμίρις* / *σμίρις* ‘наждачный порошок, используемый гранильщиками драгоценных камней’ > лат. *smyris*, *smerrillum** ‘наждак’ > итал. *smoriglio* ‘наждак’ > греч. *σμιρίγυλι* / *σμιρίγυλι* ‘наждак’

Подводя итог всему вышесказанному, можно выделить следующие особенности возвратных заимствований по схеме греческий > итальянский > греческий:

- В большинстве случаев обратное заимствование не вытесняет полностью слово-донор из языка. При этом чаще всего первоначальное слово (форма которого претерпевает вполне закономерные изменения) имеет более узкое значение, является более книжным, относится к более высокому уровню языка, либо обозначает конкретный термин. Слово, заимствованное из итальянского языка, в свою очередь характеризуется большей повседневностью и широтой использования. Исключения составляют менее употребительные обратные заимствования, использующиеся лишь в отдельных греческих диалектах, а также слова, которые переходят в греческий язык в качестве термина (*άρια* ‘ария’, *ρίμα* ‘рифма’ и др.).

- Фонетические и орфографические изменения, которое претерпевают такие слова в процессе заимствования, приводят к выводу, что заимствование слов из итальянского языка в греческий происходит в основном на устном уровне через повседневное общение носителей двух языков.

- Почти все обратные лексические заимствования являются именами существительными и, вследствие относительной схожести морфологических систем существительного в итальянском и греческом языках, легко приспособляются к морфологической системе заимствующего языка.

- Показательно то, что в разговорной речи новогреческого языка закрепились такие общеупотребительные слова из повседневного узуса, как *μπράτσο* ‘рука’, *μπάνιο* ‘ванная’ и т. п., практически вытеснив и повседневной

речи исконные аналоги. Этот факт свидетельствует о том, что взаимодействие носителей греческого и итальянского языков происходило с большой интенсивностью и имело немалое значение для развития обоих языков.

Заключение

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что итальянский язык, в частности его лексический состав, на разных этапах своего существования подвергся интенсивному влиянию греческого языка. В итальянском языке мы встречаем большое количество лексем греческого происхождения различной тематики и разных сфер употребления, от слов повседневного узуса до узко специализированных научных терминов. Говоря о грецизмах в итальянском языке и особенностях их проникновения в язык, адаптации и дальнейшего функционирования можно сделать несколько замечаний.

1. Пути проникновения грецизмов в итальянский язык и временные рамки заимствований.

Важную роль в процессе заимствования лексем из греческого языка в итальянский играет латинский язык. Значительное число слов греческого происхождения было заимствовано в латинский язык на разных этапах его развития, а уже затем большой пласт грецизмов латинского языка был наследован итальянским языком. При этом соприкосновение греческой культуры с латинской, а вследствие и проникновение грецизмов в словарный состав латинского языка, начинается уже в середине VIII в. до н. э., когда появляются первые греческие колонии на территории «Великой Греции» (греч. Μεγάλη Ἑλλάς, итал. Magna Graecia) – области, включающей в себя часть территории современной Южной Италии (Сицилия и часть Апеннинского полуострова).

Существуют также заимствования, попавшие в итальянский язык напрямую из греческого языка, вернее разговорного среднегреческого (византийского) языка. При этом, следует отметить, что часто заимствование греческих лексем в стандартный итальянский язык происходило через посредничество его отдельного диалекта. Важное значение, к примеру, имела Венецианская Республика, через язык которой в итальянский язык проникло

большое количество слов различной тематики (*arcipelago* ‘архипелаг’, *magari* ‘хорошо бы, возможно’).

Проникновение в итальянский язык греческих лексических элементов заканчивается с концом Венецианского управления, т. е. с подписанием Кампо-Формийского мира в 1797 г. Редко встречаются грецизмы, вошедшие в итальянский язык с XIX в. и далее. Заимствования этого периода по большей части пассивные и представляют собой иноязычные вкрапления в итальянском языке, описывающие реалии современного греческого мира.

2. Основные тематические группы грецизмов.

Долгое время совместного существования носителей греческого и латинского, а затем и итальянского языков способствовало тому, что заметное количество греческих лексем из повседневного узуса было заимствовано в итальянский язык на устном уровне. Таким образом были заимствованы названия животных (*delfino* ‘дельфин’, *balena* ‘кит’, *seppia* ‘каракатица’), фруктов и растений (*olivo* ‘олива’, *anguria* ‘арбуз’, *basilico* ‘базилик’), предметов домашнего обихода (*tappeto* ‘ковер’, *cofano* ‘сундук’), термины, связанные с морем (*pelago* ‘открытое море’, *gondola* ‘гондола’, *molo* ‘пирс, дамба’), названий частей тела человека (*braccio* ‘плечо’, *stomaco* ‘живот’), а также некоторых болезни и их симптомов (*cancrena* ‘гангрена’, *spasimo* ‘острая боль’) и др. Немало также топонимических обозначений, берущих свое начало в греческом языке, особенно на юге итальянского полуострова и островах (*Napoli*, *Leuca*, *Limina*).

Немало и письменных заимствований. Это, в первую очередь, слова, связанные с различными сферами культуры (термины архитектуры, литературы, музыки, историографии и др. - *teatro* ‘театр’, *poesia* ‘поэзия’, *architetto* ‘архитектор’), а также термины различных сфер науки (*geografia* ‘география’, *teoria* ‘теория’, *zodiaco* ‘зодиак’).

Отдельно стоит отметить некоторые особенности научных терминов итальянского языка, имеющие греческое происхождение. Большинство из них

является интернационализмами, т. е. такими словами, которые присутствуют в лексическом составе разных языков и обладают в той или иной степени фонетическим, грамматическим и семантическим сходством. Такие термины, как правило, были заимствованы из греческого языка в латинский, а уже затем из латыни, которая долгое время на западе оставалась главным языковым инструментом науки, наследовались западноевропейскими языками. Кроме того, многие научные термины не являются заимствованиями из греческого, хотя формально состоят из словообразовательных элементов греческого языка. Речь идет об образованных в рамках словообразовательных возможностей греческого и латинского языка неологизмах, которые неизбежно появлялись в научном дискурсе в связи с появлением новых наук, развитием уже существовавших дисциплин, открытием новых концепций и т. п.

Множество греческих заимствований встречается среди терминов из сферы религии (*prete* ‘священник’, *battesimo* ‘крещение’, *monastero* ‘монастырь’). Грецизмы из сферы религии были заимствованы итальянским языком через посредничество латинского языка, который до сих пор является языком католической церкви и официальным языком Папского Престола.

Кроме собственно заимствованных слов, в итальянском языке встречаются также кальки с греческого языка. В первую очередь это слова, связанные с культурой или наукой, которые появлялись тогда, когда латинские мыслители при изучении греческих текстов пытались передать незнакомые им ранее концепции средствами своего языка. Некоторые исконно латинские слова получали новое значение по аналогии с греческими лексемами (итал. *nome* ‘имя [существительное]’ от греч. ὄνομα) либо создавались новые термины путем точного перевода греческих эквивалентов (итал. *verbo* ‘глагол’ от греч. ρῆμα).

3. Графические, фонетические, морфологические и семантические трансформации грецизмов в итальянском языке.

При переходе из греческого языка в итальянский лексемы претерпевают ряд фонетических и орфографических изменений. При этом важно

учитывать, каким путем заимствования попадают в латинский язык. Устные заимствования, как правило, характеризует широкая интеграция в языковую систему итальянского языка, полная ассимиляция на графическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровне. Письменные заимствования, напротив, тяготеют к максимальному совпадению с греческими эквивалентами в плане фонетики и орфографии.

Интенсивность взаимодействия латинского языка с греческим приводит к тому, что некоторые кардинальные различия в фонетической и орфографической системах двух языков стираются. Так, к примеру, в латыни появляются придыхательные согласные - эквиваленты греческих θ , φ , χ (*th*, *ph*, *ch* соответственно). Однако в разговорном языке, а также при переходе заимствований из классической латыни в народную латынь, а затем в современные романские языки придыхание в аспиратах часто утрачивается.

Большинство грецизмов в итальянском языке полностью адаптированы к морфологической системе языка. Следует также отметить, что как в латыни, так и в итальянском языке, грецизмы проявляют словообразовательную активность.

Однозначные лексемы греческого языка, как правило, переходили в итальянский в том же значении, что они имели в языке-доноре. Многозначные же слова чаще заимствуются в одном из значений. Речь идет в первую очередь о научных терминах, которые переходят в заимствующий язык в своем терминологическом значении.

Довольно часто греческие лексемы, заимствованные устным способом, подвергаются семантическим изменениям в итальянском языке. При этом, слова, заимствованные из определенной сферы, благодаря метафорическому переносу могут переходить в семантическое поле другой сферы.

4. Обратные заимствования в греческом из итальянского языка.

В паре итальянский-греческий встречается также феномен обратного заимствования, когда лексема греческого языка, заимствованная ранее

итальянским, возвращается обратно уже в измененной форме и значении. В основном обратные заимствования в греческом языке из итальянского являются устными, т. е. заимствуются в процессе непосредственного общения носителей языков, что обуславливает относительную легкость их фонетической, орфографической и морфологической ассимиляции. Часто в греческом языке функционируют две словоформы: первоначальная, которая была заимствована в итальянский язык, и обратное заимствование. При этом, первоначальное слово обычно имеет более узкое значение, является более книжным, либо обозначает конкретный термин. В свою очередь, заимствованная лексема характеризуется большей повседневностью и широтой использования, за исключением случаев, когда заимствование используется лишь в отдельных диалектах греческого языка, либо заимствуют в конкретном терминологическом значении.

Список литературы:

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Издательство Харьковского Университета, 1972.
2. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. Учебник. Изд. 3. М.: Высшая школа, 2007.
3. Вейсман А. Д. Греческо-Русский словарь. СПб: издание автора, 1899.
4. Гарник А. В. Греческие лексические заимствования в латинском языке. Учебные материалы. Минск: 2015.
5. Герцен А. Г. Письма об изучении природы. М., Издательство Академии Наук СССР, 1954.
6. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-Русский словарь. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
7. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-Русский словарь. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
8. Дворецкий И. Х. Латинско-Русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
9. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1962.
10. Крысин Л. П. Русское слово свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Лещенко К. В. Особенности морфологии и синтаксиса глагола в драме «Жертвоприношение Авраама». Дипломная работа. СПб: СПбГУ, 2015. На правах рукописи.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990.
13. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах. Словарь справочник. 2-е издание, стереотипное. М.: Флинта, 2014.

14. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Изд-е 2-ое, переработанное и дополненное. М.: Высшая Школа, 1987.
15. Пизани В. Этимология. История - проблемы - метод. Пер. с итал. М.: Издательство иностранной литературы, 1956.
16. Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
17. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
18. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956.
19. Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1963.
20. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е издание, переработанное. М.: Флинта, Наука, 2003.
21. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике Вып. VI: Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. — с. 344 - 381
22. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка. М.: Высшая школа, 1982.
23. Шахрай О. Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопросы языкознания 1961 № 2. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. — с. 53 - 58
24. Adrados F. R. *A history of the Greek language: from its origins to the present.* — Leiden - Boston: BRILL, 2005.
25. Αναστασιάδη-Συμεωνίδη Α. *Πώς ορίζεται ο όρος αντιδάνειο;* // Μελέτες για την Ελληνική Γλώσσα. Πρακτικά της 6ης Συνάντησης του Τομέα Γλωσσολογίας της Φιλοσοφικής Σχολής του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, 22-24 Απριλίου 1985. Θεσσαλονίκη: Εκδ. Οίκο Αδελφών Κυριακίδη, 1985.
26. Βασμανόλη Ε. *Οι αντιδάνειες λέξεις στη νέα ελληνική.* Αθήνα: 2007.

27. Biville F. *Les emprunts du latin au grec. Approche phonétique*. T. I. Louvain - Paris: Éditions Peeters, 1990.
28. Cortelazzo M. *L'influsso linguistico greco a Venezia*. Bologna: Casa editrice Prof. Riccardo Patron, 1970.
29. Cortelazzo M., Zolli P. *Dizionario etimologico della Lingua Italiana*. Bologna: Zanichelli Editore S.p.A., 1999.
30. Dardano M., Trifone P. *Grammatica italiana con nozioni di linguistica*. Ed. 3. Bologna: Zanichelli, 1995.
31. De Mauro T. *Grande dizionario italiano dell'uso*. Torino, UTET, 2000.
32. Devoto G. *Il linguaggio d'Italia. Storia e strutture linguistiche italiane dalla preistoria ai nostri giorni*. Milano: Rizzoli, 1974.
33. Devoto G., Oli G. C. *Vocabolario della lingua italiana*. Milano: Le Monnier, 2008.
34. Guilou A. *Aspetti della civiltà bizantina in Italia*. Bari: Ecumenica, 1976.
35. *Hippocrates*. With an English translation by W. H. S. Jones. Vol. 1. London: William Heinemann LTD, 1957.
36. Kolonia A., Peri M. *Greco antico, neogreco e italiano. Dizionario dei prestiti e dei parallelismi*. Bologna: Zanichelli editore s.p.a., 2008.
37. Κοντοσόπουλος Ν. Γ. *Διάλεκτοι και ιδιώματα της Νέας Ελληνικής*. Αθήνα: Εκδ. Γρηγόρη, 2001.
38. Κουκκίδη Κ. *Λεξιλόγιον ελληνικών λέξεων παραγομένων εκ της Τουρκικής*. Ανάτυπον έκ του 24ου και 25ου τόμου τοῦ Αρχείου του Θρακικού Λαογραφικού και Γλωσσικού Θησαυρού. Αθήνα: 1960.
39. *Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής*. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη), 2007.
40. Mazzini I. *Greco-latino e inglese nella lingua medica italiana contemporanea: convivenza pacifica o sopraffazione?* // *Lingue antiche e moderne* Rivista accademica internazionale on-line. Volume 4, 2015.

41. Migliorini B. *Storia della lingua italiana*. Bergamo: Saggi Tascabili Bompiani, 2001.
42. Μπαπινιώτης Γ. Δ. *Λεξικὸ τῆς Νέας Ἑλληνικῆς Γλώσσας*. Εκ. 2. Αθήνα, Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε., 2002.
43. Μέγας Γ .Α. *Ἡ θυσία τοῦ Ἀβραάμ*. Ἔκδοσις τρίτη, ἀναθεωρηθεῖσα. Βιβλιοπωλεῖον τῆς Ἑστίας, Χ. ἔ.
44. Pianigiani O. *Vocabolario etimologico della lingua italiana. A-L*. Roma - Milano: Società editrice Dante Alighieri di Albrighi, Segati e C., 1907.
45. Pianigiani O. *Vocabolario etimologico della lingua italiana. M-Z*. Roma - Milano: Società editrice Dante Alighieri di Albrighi, Segati e C., 1907.
46. Treccani – онлайн энциклопедия <http://www.treccani.it/>
47. Zingarelli N. *Vocabolario della lingua italiana*. Dodicesima edizione. Zanichelli, 1996.
48. Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910.